

Цена свободная

Индекс 70250

ДРУЖБА НАРОДОВ

«ДН» — 2014

Романы, повести:

Резо ГАБРИАДЗЕ. Доктор и больной. *Повесть*
Андрей ЖИТИНКИН. Житинский. *Маленький роман из длиннот*
Афанасий МАМЕДОВ. Дозорный Грибоедова. *Повесть*
Марина МОСКВИНА. КРИО. Роман. *Книга вторая*
Юрий ОКЛЯНСКИЙ. Уроки с репетитором, или Министр собственной безопасности. *Повесть литературного быта*
Захар ПРИЛЕПИН. Новое произведение
Елена РЖЕВСКАЯ. Бремя выбора. *Воспоминания*
Мария РЯХОВСКАЯ. Ай-Серез. *Повесть*
Сергей УТКИН. История болезни. *Повесть в рассказах*
Леонид ЮЗЕФОВИЧ. Филэллин. *Повесть*
Екатерина ЮРКЕВИЧ. Сарафанное радио. *Повесть*

Рассказы: Евгения АЛЕХИНА, Андрея ВОЛОСА, Елены ДОЛГОПЯТ, Алексея КОЛОБРОДОВА, Ильи КОЧЕРГИНА, Владимира ТОРЧИЛИНА, Евгения ШКЛОВСКОГО и других авторов.

Новые имена: участники Форума в Липках, Волошинского фестиваля и наши собственные открытия

Новые сочинения: Эльчина ГУСЕЙНБЕЙЛИ (с азербайджанского), Анатолия КОРОЛЁВА, Ицхокаса МЕРАСА (с литовского), Дмитрия НОВИКОВА, Светланы ПЕТРОВОЙ, Дины РУБИНОЙ, Левона ХЕЧОЯНА (с армянского), Владимира ХОЛОДОВА, Александра ХУРГИНА, Дмитрия ШЕВАРОВА

Новые стихи и переводы: Сухбата АФЛАТУНИ, Ефима БЕРШИНА, Сергея ВАСИЛЬЕВА, Германа ВЛАСОВА, Андрея ГРИЦМАНА, Ольги ИВАНОВОЙ, Алексея ИВАНТЕРА, Игоря ИРТЕНЬЕВА, Александра КАБАНОВА, Инны КАБЫШ, Бахыта КЕНЖЕЕВА, Григория КРУЖКОВА, Георгия КУБАТЬЯНА, Марины КУДИМОВОЙ, Инги КУЗНЕЦОВОЙ, Виктора КУЛЛЭ, Ларисы МИЛЛЕР, Олеси НИКОЛАЕВОЙ, Натальи ПОЛЯКОВОЙ, Геннадия РУСАКОВА, Юрия РЯШЕНЦЕВА, Анны САЕД-ШАХ, Владимира САЛИМОНА, Айгерим ТАЖИ, Александра ТИМОФЕЕВСКОГО, Олега ХЛЕБНИКОВА и других авторов.

ISSN 0012-6756. Дружба народов, 2014, № 4, 1—240

ДРУЖБА НАРОДОВ 4/2014

- **Геннадий Русаков**
...в отечестве грозном моём
Стихи
- **Тамта Мелашвили**
Считалка
Повесть. С грузинского
- **Вячеслав Шаповалов**
В сиротстве космической ночи
Стихи
- **Борис Евсеев**
Письма слепым
Рассказ
- **Андрей Столяров**
Новая земля и новое небо

4'2014

Манана Думбадзе

Папа, который остался по ту сторону решетки

С грузинского. Перевод Владимира Маловичко

— Эй, вы, глупые дурочки, сколько можно повторять: пока я жива, а вы можете писать, спрашивайте меня и записывайте! Неужели вы не видите, что все, кому не лень, лихорадочно строчат «мемуары» о вашем отце и одному Богу и мне известно, правда это или нет! — до сегодняшнего дня причитает мама, вразумляя меня и Кетино.

Маме семьдесят три, и она боится, чтобы воспоминания, которыми полна ее голова, не потерялись с ее уходом в лучший мир. Хотя, когда я гляжу на нее, у меня перед глазами всегда возникает полный тайн бессмертный образ Урсулы из Гарсии Маркеса.

Надо сказать, что мамины упреки не совсем справедливы, так как я написала не один очерк об отце, несмотря на то, что папа, по моему мнению, исчерпывающе изложил свою биографию в своих произведениях, и не обязательно добавлять к этому что-либо еще, особенно дочерям.

Но на днях мне позвонили из телепрограммы «Профиль» и сказали, что хотят отметить день рождения спектакля и фильма «Белые флаги». В студию приглашены режиссеры, актеры и многие другие люди, имеющие отношение к этому произведению. Вместе с ними приглашены и члены семьи моего отца.

Мама вот уже несколько лет отказывается от участия в телепередачах. Моей сестры Кетино в городе нет. Значит, мне предстоит идти одной и в одиночку выступать наряду с видными деятелями культуры и искусства. Прибавьте к этому, что слушатель и зритель воспринимает меня как свидетеля и очевидца тюремного периода жизни моего отца — немногие отдают себе отчет в том, что мне тогда было два с половиной года.

И вот исполнилась мечта моей мамы: я взяла блокнот, авторучку и явилась к ней записывать «показания».

— Ну-ка расскажи, что такого произошло тогда в ресторане «Гемо», что не описано в «Белых флагах»? Говорят, это убийство тогда до конца так и не раскрыли, — готовлю я маму к подробному объяснению, и она довольно сухо, но очень точно приводит факты, которые в книге описаны весьма детально.

— Дата ареста?

— 14 апреля.

— 14 июля — его день рождения...

— А четырнадцатого сентября он скончался, и четырнадцатого октября мы расписались.

— Магическое число!

— Да, так получилось, что в его жизни самые значительные события происходили 14-го числа.

— А откуда он знал Ростома Бараташвили (по книге — Ростом Амилахвари)?

— Они были соседями и учились в одной школе. В период репрессий отца Нодара расстреляли, мать выслали в Казахстан. Детей тетки забрали в Сухуми. А через некоторое время Нодар переехал к деду в Гурию. Так что до начала студенческого периода Ростом и папа не виделись. Именно в тот проклятый день они в первый раз встретились после долгой разлуки, и Ростом пригласил отца в ресторан.

— Они были одни? Если не ошибаюсь, с ними вместе были арестованы и другие, но о них в книге ничего не сказано.

— Да, Малхаз Еганов и Чичик-старший — Андро Чичинадзе. Они были друзьями Ростома и Нодара, но в ресторане «Гемо» сидели за отдельным столиком. Чичика взяли позже, после допроса Малхаза Еганова.

— Какие персонажи во «Флагах» настоящие, а какие вымышленные?

— Выдуманы, например, дядя Исидоре, Шошия; реально существовали Тигран, Чичико Гоголь, следователь Гагуа... Помнишь, Чичико Гоголь на похоронах отца сел в похоронную машину и проводил его до Союза писателей? А Тиграна, который пришел к нам домой, помнишь?

— Как не помнить! Он же назвал тебя «сестричкой». Помню, что много смеялась тогда.

— Да, он сказал твоему папе: «Здорово, брат!», и они зашли в кабинет Нодара. Позже я занесла им чай. Тогда Тигран сказал нам, что бросил воровать, что сын у него образованный, работает на хорошем месте и он не хочет, чтобы, не дай бог, кто-нибудь сказал ему, что отец его — вор.

— А Лимон реальная личность?

— Да, Лимон жил в районе Мтацминда и был знаменитым вором. Звали его Ило Девдариани. Он не сидел в камере с отцом. Нодар просто хорошо знал этого человека и сделал прототипом Лимона. В «Законе вечности» у Нодара есть приблизительно такого же типа персонаж — симпатичный вор, который приносит Бачане Рамишвили дорогостоящие лекарства и просит поделиться ими с отцом Иорамом как с соседом по палате. Его прототипом был мтацминдский вор Како Амбокадзе.

— А как с ними обращались в тюрьме? Он не говорил о побоях или пытках?

— Нет, тогда этого не было, это было строго запрещено, — уверенно отвечает мама.

— А может он говорил, а ты забыла? — настаиваю я.

— Да нет, я же не могу приписывать ему то, чего он не говорил. Подобного не было и в его письмах. Вот только следователь Гагуа все время уговаривал меня сказать Нодару, чтобы он признался в совершении преступления, и уверял, что это сильно облегчит его наказание.

— А почему с его стороны был такой нажим? — переворачиваю вопрос.

— Потому что от Нодара он не получил никакого признания и дело затягивалось. Меня он убеждал в том, что если Нодар признается, наказание сильно облегчат, потому что у него первый арест, и выйдет он скоро. Говорил: вы ведь молодые, у вас вся жизнь впереди.

— И это все, что он предлагал?

— Нет, он еще уговаривал меня, чтобы я написала мужу письмо с советом признать вину. Я подумала и согласилась, — с особой гордостью произносит мама.

— Что ты такое говоришь?!

— Да, я согласилась, но написала такое письмо, что Гагуа собственными руками разорвал его на мелкие клочки.

— И что же такое ты ему написала?

— Я написала: «Нодар, поверь следователю, он наш человек!»

— Умница!

— Не говори! Кому бы он показал это письмо? Так я от него отделалась, но главное началось потом. Как раз в это время в Грузию приехал Голст и потребовал все дела на свое рассмотрение.

— А кто такой Голст?

— Он был главным прокурором Закавказья. Ознакомившись с делом о событиях в ресторане «Гемо», он допросил всех лично: мать Еганова, жену Ростомашвили... В самом конце он допросил меня, и знаешь, что он мне посоветовал? «Скажите вашему мужу, чтобы он бросил ходить по ресторанам!»

— Что это значило?

— Тогда я тоже не догадалась, я так опешила, что сказала: обязательно, мол, передам это мужу и вышла с допроса в полной растерянности.

— И какой был приговор?

— А приговора не было, хотя и Нодару, и Ростому грозила расстрельная статья.

— И человеку с такой статьей советуют... не ходить по ресторанам? Что за цинизм!

— Я тоже так подумала, но в глубине души все время пыталась зацепиться за какую-нибудь соломинку, и надо сказать, после этого странного разговора у меня появился проблеск надежды. Снаружи меня ждал дядя Мамия. Он сидел на тротуаре, зажав голову между коленями. От плохих предчувствий боялся поднять глаза. Я сказала ему, что Нодару, наверное, скоро выпустят, и сама удивилась, как это у меня вырвалось. Мамия поднял голову и поинтересовался, с чего я это взяла?

— Этот человек сказал, что Нодар должен бросить ходить по ресторанам. Не понимаю, что это может значить! До самого дома мы не произнесли больше ни слова.

— А бабушка?

— А что бабушка? Она ни разу не была в тюрьме! Объявила: раз мой сын — заключенный, с этого дня я тоже заключенная. Села в угол и не покидала его. Я ходила с ума. Повсюду бегала одна: документы, подписи, характеристики, адвокаты, передачи... Все, что в книге приписано матери, делала я. Когда книга вышла, Гулико Бахтадзе даже пошутила: Нодар, мол, перепутал мать и жену!

— Ну и что? Ты удивлена? У бабушки расстреляли мужа, сама она десять лет провела в ссылке в Казахстане, чего ты от нее еще ждала? На кого или на что она должна была надеяться? Разве имело для нее смысл бегать по инстанциям или еще что-нибудь предпринимать? Ты об этом подумала? Ведь тюрьма в ее понимании уже стала ее судьбой и судьбой ее семьи... Посадили сына? Она взяла и сама устроила себе тюрьму. О том, что это был род самозащиты, ты не задумывалась?

— Времени думать у меня не было. Мне был двадцать один год, и я постоянно торчала у ворот тюрьмы: выгнать оттуда мужа стало главной целью моей жизни. По ночам я почти не спала, потому что брала заказы на шитье, а вырученные деньги тратила на то, чтобы собрать нормальную передачу. Было у меня время думать? Я крутилась как белка в колесе двадцать четыре часа в сутки.

— А то, что комсомольский секретарь отказался дать отцу характеристику, это правда?

— Да, правда, но когда Магали Тодуа пошел к Нико Кецховели (тогдашнему ректору Тбилисского государственного университета) и сказал ему: «Нодара арестовали, выручайте!», тот схватился за голову и в ужасе шепотом спросил: «Причина политическая?» Магали объяснил, что имело место убийство человека. Нико облегченно вздохнул: «Вранье все это. Нодар убийцей быть не может, и это станет ясно очень скоро». Очень помогли нам дядя Нико и Бесо Жгенти, который был тогда руководителем университетского литературного кружка. Он очень любил Нодара.

— А когда ты научилась языку жестов и азбуке глухонемых? Отец ведь сидел всего семь месяцев?

— Да тогда же и научилась. Если очень нужно, научись всему очень быстро... С пяти до восьми часов заключенных выводили в туалет. В коридоре, через который они проходили, в одном из окон была форточка, и Нодар или махал мне оттуда платочком или рукой пытался подать знак. Эти три часа я, не сходя с места, стояла и ждала, когда он или появится в форточке или подаст из нее знак. Один раз я увидела, что он вцепился в решетку и заслонил собой форточку. Я так испугалась, что потеряла сознание. Из обморока меня вывела жена Малхаза Еганова: она, как и я, ждала сигнала от мужа. А однажды Нодар выбросил из форточки письмо, которое увидела охрана. Я моментально смяла бумажку и сунула ее за пазуху. Охрана меня схватила и затащила в комнату ожидания. Я кричала, что я обыкновенная прохожая и здесь у меня никого нет, но они мне не верили. В этот момент в ожидальне совершенно случайно появился отец Гурама Дочанашвили, батони Петре. Он работал там, в тюремной больнице. Батони Петре приложил палец к губам, давая понять, чтобы я вела себя потише: он, мол, все устроит. Я замолчала, и меня скоро выпустили, а Нодара на следующий день перевели в тюремную больницу. Это было огромное облегчение для всех.

— А сколько времени он пробыл в больнице?

— Совсем немного, но, поскольку у него побаливали почки, во время приступов его и потом переводили в больницу. Он был там и в день своего рождения. К этому дню я приготовила и передала ему богатую передачу с вином, которое сварила в виде киселя! Господи, чего я только не делала, чтобы облегчить его страдания — совершенно несправедливые!

— И как же тебе удалось собрать такую богатую передачу?

— Мне помогли мои родители, и я сама работала день и ночь: шила по заказам. Наконец я упаковала передачу и понесла ее в тюрьму, а ее не приняли. Меня чуть кондрашка не хватила... Оказывается, утром его тетя уже прислала ему обед: котлеты и картофельное пюре.

— Да, представляю себе твое положение. А что ты сделала с дорогостоящим продуктом?

— Слушай, как я выкрутилась. Помнишь, в нашем доме жил сотрудник милиции Шукура Джоджуа? Тогда он занимал какую-то высокую должность. Я заявила к нему и сказала, что произошло недоразумение, в результате которого

у меня не берут передачу, помогите, мол, пожалуйста. Шукура набрал номер телефона, который я подсмотрела, и велел взять передачу. После этого я в неделю раз звонила — видимо, секретарше — по запомненному номеру телефона и говорила: я та самая, о которой вас просил Шукура, помогите, пожалуйста...

— Ну, ты и впрямь сильна! Значит, сработало?

— Конечно, сработало. Кто посмел бы мне отказать, когда я звонила от имени такого человека! — рассмеялась мама.

— Ну, и как назвать твой поступок?

— Как назвать — не знаю, знаю одно: тогда мне был двадцать один год, и я была женой без вины виноватого. Думаю, мой поступок называется любовью, да, это называется — любовь! — сказала мама, и ее глаза наполнились слезами. — А однажды я получила из тюрьмы вызов. Идти одна я побоялась и взяла с собой Циалу Кигурадзе. Мы ждали на тротуаре у входа, когда тяжелая железная дверь медленно, со скрипом отворилась и оттуда вышел Нодар — остриженный под ноль, бледный, со скрученным и перехваченным веревкой одеялом в руках. Приговор: три года условно!

* * *

В пустой комнате холодно. Мама поставила меня на широкий парапет. Передо мной натянута тонкая сетка, она делит комнату на две части. За сеткой — пустая серая половина комнаты, в углу которой видна узкая металлическая дверь, тоже серая. Я обеими руками вцепилась в сетку и смотрю в упор на эту дверь. Она медленно, с тяжелым скрежетом открывается, и оттуда, сутулясь, выходит очень худой, серовато-бледный, наголо стриженный, небритый, неизвестный мне мужчина, одетый в какой-то бесформенный серый балахон. Он приближается ко мне. Вот он, как и я, вцепляется в сетку с другой стороны и теплыми, влажными, медового цвета глазами ласкает меня. На его глазах поблескивают слезы, в которых отражаются скудные блики солнца, проникающие в эту ужасную комнату, и почему-то у него подрагивает нижняя челюсть.

— Доченька... — слышу я. — Дочааа...

— Папаааа!.. Папа здесь не пролезет!.. Папа не сможет выйти из клетки!.. — кричу я диким голосом. — Он не сможет вылезти из этой клеткiiiiii!..

— Уведите, уведите ее! — ревет папа и бежит к серой двери, указывая нам рукой на выход. — Зачем вы ее привели?!

Потом серая дверь захлопнулась со стонущим грохотом, который я запомнила на всю жизнь.

* * *

— Тебе было два с половиной года, когда я повела тебя на свидание с отцом, — говорит мама.

— А я помню.

— Не выдумывай. Вы оба закатили такой рев, что свидание не продлилось и полминуты.

— Хочешь, скажу почему я ревела? Я кричала: «Папа в эту клетку не пролезет!» Я все хорошо помню, все помню, во всех подробностях!

— Ничего ты не помнишь, детка. Видимо, я тебе это когда-то рассказала, а ты решила, что помнишь, — уговаривает мама.

— Нет, не рассказала! Я из этого периода ничего другого не помню — только это. Помню голос папы и свой. Как сейчас слышу: «Уведите ее отсюда, уведитеееееее!» — «Папа в эту клетку не пролезееееееееет!»

Александр Джумаев

Из культурной и научной жизни Центральной Азии

Разрозненные мысли и наблюдения

Иной раз приходится слышать словечко «миф» в самых разных применениях не только к российской действительности, но и к культурам и реальностям Центральной Азии или — по старому — Средней Азии и Казахстана. Часто говорят про кого-то, что он, мол, «миф», то есть представление о его значимости не соответствует реальности. Или говорят и пишут: «миф Ташкента». Здесь миф уже побольше — миф целого города. Миф в этом смысле, как полагают, нечто искусственное, не соответствующее действительности. Имеется в виду реальная жизнь города в прошлом, с ее тяготами и лишениями, отсутствием европейского комфорта, глинобитными стенами-дувалами, общими дворами и так далее — то, что десятилетиями отображалось в художественном творчестве (в живописи, музыке, литературе, кино) и отложилось в ностальгирующем слое памяти целых поколений. Для многих тысяч людей этот «ложный образ» — теплый во многих смыслах город — стал неким «Городом Солнца», душевной опорой.

Случайно ли это? С равным успехом можно спросить: случайна ли любовь к животным, неожиданно вспыхивающая в разных обществах из-за дефицита уважения или даже из-за неприязни к человеку вообще? Для большинства простых граждан, в том числе бывших и нынешних ташкентцев, жизнь и есть переживание мифов. Стараниями этих людей, переживающих по-своему, в художественных формах мифическое мироощущение, культура продолжает сохраняться. Не было бы так — жизнь превратилась бы в сущий ад с заботой исключительно о пользе, выгоде и собственных интересах на фоне высокотехнологичных достижений.

В обществе и культуре Центральной Азии, хотя и не в таких масштабах, как в России, стал набирать силу некий «гамбургский счет» навыворот — стремление

Джумаев Александр Бабаниязович — постоянный автор «Дружбы народов», родился в 1953 году, окончил Ташкентскую государственную консерваторию по специальности музыковед-востоковед и аспирантуру НИИ искусствознания им. Хамзы. Кандидат искусствоведения. Научные интересы: история музыкальной культуры Средней Азии, ислам и музыка, средневековые письменные источники по музыке, культурная политика в Центральной Азии. Живет в Ташкенте.

судить о культуре (явлении по умолчанию нерыночном) предельно конкретно, жестко и расчетливо. Без всяких там мифов и сантиментов, а преимущественно с учетом ее продажной стоимости, брендовой составляющей или в крайнем случае самофинансирования. То есть ее включенности в борьбу на рынке товаров, где побеждает «сильнейший». Такое понимание проникает в сознание многих людей незаметно, но неумолимо, когда речь идет о проблеме выживания и сохранения форм культурно-творческой деятельности в условиях молодой капиталистической системы. Старая ценностная шкала обречена на отмирание и поддерживается лишь энтузиастами, готовыми и дальше терпеть лишения ради творчества. Благодаря им еще и продолжается культурная деятельность, сохраняющая преемственную связь с лучшими традициями прошлого — с созданными в советское время многочисленными художественными школами и целыми направлениями.

О брендах теперь ведут разговоры едва ли не в каждой из постсоветских стран Центральной Азии. Смысл их заключается в том, чтобы сделать из того или иного явления или живого человека, создающего художественные ценности, или даже из целого локального пласта культуры повсеместно «узнаваемую вещь» (тот же самый миф) — и тогда, мол, у нее/у него появится шанс выжить и сохраниться. И надо сказать, идею проводят в жизнь. Но культура — это не политика, где пиар и «раскрутка» — залог успеха. Наблюдения показывают: как ни крути, а ценителей и покупателей, и тем более меценатов внутри региона не прибавляется, а становится даже меньше. Надеяться на какой-то «системный подход» в отношениях «творец — потребитель» вообще не приходится. Процессом правит случай: кому-то везет, а кому-то нет. Только и слышишь жалобы художников на полное отсутствие в стране интереса к их художественным творениям. Туристы из-за рубежа тоже не торопятся скупать художественные изделия наших мастеров — разве что по мелочи: сувениры, открытки... Западный турист, как правило, человек небогатый (конечно, по меркам их стран), чаще всего пенсионер, приступивший на старости лет к долгожданным познавательным-развлекательным поездкам по белу свету, он привык экономить на всем, на чем только можно. Но вот русский турист — это другой разговор. Довелось слышать рассказ знакомого букиниста на ташкентском «бродвее» об одном таком туристе. Прогуливаясь по «бродвею», этот русский увидел большую книгу на арабской графике. Спросил у продавца: «Это Коран?» — «Нет, — отвечает тот, — это Хамса (пять поэм, “Пятерица”) нашего поэта Алишера Навои». — «Ааа, — говорит, — слышал-слышал, это большой человек, большой ваш поэт. На вот тебе 50 долларов, пусть пока полежит твоя книга, может, завтра загляну, доплату еще сколько скажешь и заберу». Но так больше и не появился. Стиль, конечно, очень русский — местные «бродвейные люди» стали припоминать и другие похожие случаи. Но русских туристов, к сожалению, почему-то у нас очень мало. Или мы для них еще не диковинка, не так уж сильно изменились с советского времени, или сервис не тот, или есть маршруты привлекательней и дешевле.

О фондах и других формах помощи извне

Конечно, существуют различные международные организации и фонды. Во многом благодаря их деятельности в культурную жизнь привносится разнообразие, элементы необычного, оригинального, не всегда характерного для нашей культуры. Но в их деятельности культура не занимает основного места и финансируется по остаточному принципу. Нередко приходится слышать жалобы самих руководителей европейских центров и институтов на скудость ресурсов, отпускаемых на культурные мероприятия. К тому же они предпочитают поддерживать инициативы собственных граждан — ученых, деятелей культуры — или, в лучшем случае, совместные проекты. Похоже, это одна из форм поддержки собственной творческой интеллигенции, которая во многих случаях тоже отнюдь не благоденствует в своих странах и вынуждена рыскать в поисках средств к существованию, обычно — краткосрочных грантов. Конечно, и в этом формате появляются очень интересные и полезные для развития культуры в странах Центральной Азии проекты. В частности, в сфере планирования и проведения собственных исследований (на европейских языках) культуры и других сфер жизни в стране пребывания. Но здесь нередки и случаи, когда открывающий для себя Азию молодой европейский или американский творческий человек (чаще исследователь культуры) самонадеянно полагает, что он открывает это впервые и для местных народов. Нередки случаи, когда исследователи культуры не владеют русским языком и игнорируют созданный в советское время гигантский пласт научной литературы по теме. Иногда это происходит по незнанию, но бывает и вполне осознанно, когда человек полагает, будто все созданное в советское время в области истории культуры не представляет никакого интереса. Возможно, здесь действуют остаточные проявления стереотипов антисоветской пропаганды периода «холодной войны», когда советская гуманитарная наука о Средней Азии и Казахстане рассматривалась исключительно как идеологизированная и пропагандистская. (А у нас, «в отместку», говорилось о буржуазной науке, внутри которой, однако, выделялись и признавались крупные ученые, способные на независимые от «денежного мешка» оценки и суждения.)

В каждой стране Центральной Азии международные организации работают по-разному, в зависимости от политической ситуации и иных обстоятельств, в разном объеме и разных направлениях. Культурная политика этих организаций не всегда достаточно четко продумана, нередко она страдает перекосами, подчеркнутой избирательностью: либо только современные, авангардные формы культуры — либо только традиционные. Что ведет к определенному психологическому дискомфорту в творческой среде «стран оперирования», способствует ее разобщению, а нередко и внутреннему противостоянию.

Самым значительным в плане поддержки культуры на постсоветском пространстве — и по расходам, и по характеру культурной деятельности — был вклад известного Фонда Сороса. В апреле этого года исполняется ровно десять лет, как Фонд был вынужден прекратить свою работу в Узбекистане. Возможно, это была единственная международная организация такого масштаба, где вопросам культуры уделялось очень серьезное внимание. Фонд тщательно разрабатывал собственную культурную политику, по возможности привлекая для этих

целей лучшие интеллектуальные силы из числа местной интеллигенции. Его политика в области культуры была сбалансированной и продуманной, она охватывала все уровни и пласты культуры — и современной, и традиционной. Поддерживались — как правило, на конкурсной основе — инициативы по сохранению традиционной культуры — музыки, художественных ремесел, устно-поэтического творчества. И в то же время — современные виды творчества, сложившиеся и унаследованные от советского времени, а равно и неизвестные ранее, авангардные по сути направления, дающие представление о состоянии отдельных видов творчества в странах Европы и США. Вспоминаю примечательный случай — грант, одобренный экспертным комитетом программы «Искусство и культура» и доставшийся пожилой женщине из далекого кишлака в Ферганской долине, которая занималась вышивкой с исламской символикой и специально приехала в Ташкент, услышав о Фонде Сороса. Сочетание традиционного и современного, инновационного и альтернативного позволяло поддерживать пространство культуры в его противоречивой целостности.

Знакомство нашей творческой интеллигенции с достижениями западной культуры также проходило по принципу отбора лучшего, неизвестного или мало известного. Обсуждалась проблема «лучшего из Америки», которая в определенной степени была реализована. Это немаловажно в условиях безудержного распространения американского «культурного мусора», не дающего реального представления о подлинных культурных ценностях сверхдержавы и способствующего формированию у нас поколения мутантов-манкуртов. Вопреки распространенному обывательскому мнению, какого-либо вмешательства, а тем более диктата при разработке культурных приоритетов со стороны руководства Фонда (будь то ташкентского или вышестоящего нью-йоркского) не было, и вся его стратегия в этом направлении определялась экспертным комитетом, состоявшим из представителей местной творческой интеллигенции. К тому же и бюджет программы «Искусство и культура» был немаленький, он позволял реализовать множество проектов и инициатив. Обычно он превышал двести тысяч долларов в год, а временами переваливал и за триста, что составляло порядка десяти процентов от общего бюджета Фонда. Это были большие деньги для культуры страны, и они, как правило, полностью осваивались.

Сокращение в последние годы грантодающих международных организаций в области культуры, пересмотр ими своей политики привели прежде всего к значительному уменьшению количества малых частных художественных инициатив. А ведь именно они во многих странах мира создают живую ткань культурной жизни. Стало чуть ли не правилом, когда творческий человек вынужден расходовать собственные более чем скромные средства для проведения своей творческой акции. Результат — оскудение культурной жизни, ее многообразия. Такая ситуация подталкивает деятелей культуры, и в особенности талантливую художественную молодежь, искать удачи за пределами Центральной Азии — в России, странах Европы, США и других.

Некоторые наши чиновники, как бы осознавая сложность ситуации в серьезной культуре, призывают (негласно, конечно) быть ближе к «потребностям народа». Например, если ты композитор, то прекращай писать симфонии и оперы (тем более, что это не наше традиционное, а привнесенное извне искусство), а сочиняй побольше популярных песен (имеется в виду, что народ у

нас любит петь и танцевать). Другой путь — продвижение художественной продукции из одной страны в другую в пределах региона. Так, например, с давних пор ташкентские художники, в численном отношении, безусловно, преобладающие в регионе, возлагают надежды на Алма-Ату. Город, мол, прозападный, жизнь там кипит, много художественных галерей и богатых ценителей искусства. Но оказывается, что результаты не всегда те, какие ожидались, — и там все не так просто. Пожалуй, нынешняя ситуация в культуре может быть интересна лишь ученым-экономистам как своеобразный индикатор общего экономического положения и отражение стойкой мировой традиции (не только «советской традиции», как мы почему-то думали раньше) — экономить средства (сокращать расходы), начиная именно с культуры.

Действительно, что уж тут добавить, если даже многие знакомые люди культуры на Западе с горечью сообщают о потере работы и сокращении штатов и бюджетов организаций культуры, о падении интереса у европейской публики к традиционному искусству стран мусульманского Востока. Показатель ли это общего экономического спада? Трудно судить. Ведь почти ничего не слышно о массовом разорении и закрытии банков — этого фундамента нынешней системы. Банки и их хозяева, похоже, процветают при любой экономической и общественной ситуации. Время от времени западное общество с удивлением, смешанным с негодованием, узнает о баснословных прибылях и бонусах банкиров в условиях, когда растет число безработных, а социальные выплаты сокращаются.

Намного благоприятней обстоит дело в новых независимых государствах Центральной Азии с художественной культурой, связанной с вековыми национальными традициями. В советское время она именовалась «традиционной культурой», что по нынешним временам уже не в полной мере отражает ее подлинный статус в обществе. Она составляет приоритет в культурной политике каждой из стран региона. Особенно бурно пошло возрождение традиционных ремесел, а также отдельных видов исламского искусства и культуры. Искусство миниатюры и каллиграфии в Узбекистане, наряду с блестящим копированием уже известных образцов, значительно расширило свою тематику. Традиционная культура сохраняет свою привлекательность и как объект интересов западных специалистов — менеджеров-организаторов совместных проектов, исследователей и т. п. У нее есть шанс выжить просто в качестве «национального бренда», который используется как очень эффективный способ «национального самоутверждения» в «многоголосом хоре» соседних государств. Однако старой (советской) модели культуры, которая была направлена на широкий охват населения страны и преследовала цели его культурного просвещения и воспитания, кажется, пришел конец.

Российский опыт реформирования

Многие у нас пристально всматриваются в то, что происходит с культурой и наукой в России, и пытаются понять смысл проводимых там реформ. Следить за этим изнутри региона непросто, да и за всем не уследишь, в России происходит много всего, притом быстро. Можно было бы и не беспокоиться понапрасну, если бы не ожидающие нас перспективы. А они странным образом бывают связаны с процессами, идущими в России. Наши азиатские чиновники,

на словах независимые, на деле могут запросто скопировать опыт России, при этом на него не ссылаясь. А что это за опыт и к чему он приведет — им не совсем понятно. Российские медиа, хотя и в дискуссионном ключе, вещают с экранов одно, а друзья и коллеги в России говорят совсем другое. И притом большей частью пользуясь ненормативной лексикой. Так что комментарии (по крайней мере, одной из сторон) по поводу оценки происходящего излишни. Но все же попробуем разобраться, опираясь на мнения коллег-ученых.

Картина получается такая: новый деловой, или «конкретный человек» (о нем — ниже) добрался наконец-то до науки, чтобы прибрать к рукам принадлежащую ей материальную инфраструктуру и пустить ее в «рыночный поток» вроде бы для того, чтобы облегчить существование самой науке. Саму же науку от потока отделить и пустить на «подножный корм». Как плохой хозяин в зимнюю бескормицу выпускает скот на самостоятельные поиски корма под снегом. Ищите, мол, сами, если хотите выжить.

Конечно, возможно, что это несколько упрощенный и утрированный взгляд. Наука в России — огромное советское наследие, оно не укладывается в однозначную схему. К тому же отношения между наукой и властью в России имеют свою специфику, свою стародавнюю историю, и время от времени она циклически повторяется на новом витке развития. Вот, например, два свидетельства начала XX века, принадлежащие известным российским востоковедам, — звучат вполне актуально.

Из письма барона В. Р. Розена (апрель 1901 г.), благонамеренного с точки зрения властей предрежащих ученого, в Ташкент туркестанскому краеведу-востоковеду Н. П. Остроумову: «Время, которое мы здесь переживаем (время после введения нового университетского устава 1884 г., отменившего университетскую автономию. — Б.Л.¹) [...], так тяжело, что перо валится из рук и голова перестает работать, энергия совершенно исчезает... Я всегда готов служить Вам всей душой, но теперь не имею к тому ни малейшей возможности. Мой авторитет при том строе центрального управления, которым были призваны на различные посты (деятели? — Б.Л.) типа И. Д. Делянова, равняется... нулю».

Из писем В. В. Бартольда Н. П. Остроумову (от 3 марта и 23 сентября 1913 г.): «Едва ли в настоящее время торжество грубого невежества было [бы] возможно в какой-нибудь европейской стране... Не думаю, чтобы турецкий министр мог заявить ученому своего народа, как мне заявил [министр] Макаров, что научная литература на отечественном языке вовсе не нужна и что с наукой можно знакомиться по заграничным изданиям... Редко какое правительство вело такую упорную борьбу с наукой и вызывало против себя среди ученых такое единодушное негодование, как наше».

Примерно то же самое, судя по казахстанской прессе, уже произошло с академической наукой этой соседней страны — она потеряла свой статус государственной отрасли и перешла в формат некоего занятия на общественных началах. Получается что-то вроде клуба по интересам. Сходный процесс происходит и в других странах региона. Идут расформирование, укрупнение, уплотнение и тому подобные «эксперименты» с наукой, на которую теперь уже не

¹ Фрагменты писем цитируются по кн.: *Лунин Б.В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Историографический очерк.* Ташкент: Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1979, с. 137-138.

хотят тратить значительные средства (и не тратили больше двадцати лет после развала СССР). Легче перевести науку на рельсы самообеспечения, заставить ее самостоятельно добывать дополнительные средства.

Возможно, именно такая ситуация, в свою очередь, подтолкнула академические научные структуры в отдельных странах нашего региона внедрять рыночные отношения внутри своей системы. Хочешь опубликовать статью в академическом периодическом журнале — внеси официально установленную плату. Также заплати и за экземпляр журнала с вышедшей статьей и за участие в сборнике статей (плату за участие в конференциях пока еще не ввели). К чему это приведет, легко догадаться: усилится профанация научного знания, пойдет дальнейшее падение престижа научной работы. Почти не осталось общественно-политических, гуманитарных журналов в странах Центральной Азии, которые бы выплачивали авторам гонорары, хотя бы символические. Их можно понять: все они едва выживают, вынуждены сводить концы с концами. Но ведь и ученым в наших странах не предусмотрены дополнительные средства на оплату публикаций. Конечно, как это всегда было принято, ученый работает и будет работать не ради денег. В целом это действительно так. Но нынешняя социально-экономическая ситуация на постсоветском пространстве отличается своими особенностями. Она поставила науку (в какой-то степени и культуру) «вне закона» — та теперь и не в старой советской системе с гарантированными приличными окладами (надбавками, выплатами гонораров, системой общества «Знание», системой общественных фондов потребления и т.п.), и не в новой рыночной системе, где надо за все платить (попробуй, например, получи какую-то услугу, не заплатив, даже у того же врача — да ребятки-орлята секьюрити голову тебе оторвут). Эта ситуация наводит на размышления о самой настоящей эксплуатации интеллектуального труда, своеобразном бизнесе со стороны соответствующих структур и «конкретных человек», о переводе научных работников, пользуясь популярным молодежным сленгом, в категорию «лохов» (см. ниже).

Нечто похожее происходит и в странах Европы. Там много ученых высочайшего уровня, в особенности гуманитариев со знанием языков, которые не имеют и не могут найти работу по специальности и чем только не занимаются. Многие научные журналы также не платят никаких гонораров авторам и, таким образом, существуют за счет продажи чужой интеллектуальной собственности, разумеется, законно оформленной «по соглашению двух сторон», но фактически приобретенной задарма у нуждающихся в публикациях ученых. Конечно, у нас ситуация сложнее. Во-первых, европейские авторы публикуются, нередко получая для этого какие-то субсидии (гранты, зарплату и т.п.). То есть это не чисто альтруистская деятельность, какая сохраняется преимущественно у нас с советских времен. Во-вторых, возможность публикации в солидных журналах всегда привлекает авторов независимо от ее финансовой подоплеки, здесь играет роль научное честолюбие. Теперь его могут реализовать и многие из ученых центрально-азиатских республик бывшего СССР, статьи их, особенно по гуманитарным проблемам, как специалистов «изнутри» (по схеме: inside — outside) с удовольствием берут солидные журналы.

В то же время и настоящие жулики всегда рядом. Интернет запестрел новым видом интеллектуального надувательства. Чуть ли не через день приходят хорошо и со знанием дела оформленные объявления на английском языке с

предложениями поучаствовать в самых разных престижных научных конференциях. Западные техногенные жулики-умники быстро оценили ситуацию и нашли еще один способ интеллектуального («демократичного») отъема денег. Раньше на протяжении многих лет это были, например, проекты «человек года», «человек столетия» и т. п., исходившие от разных международных «биографических центров» — с выдачей сертификатов и медалей разного качества оформления, разумеется, за различную плату, с включением имени ученого в солидные фолианты указателей. Годами рассылали эти центры в своих фирменных конвертах радостную для уха наивного ученого весть о том, что он по решению такой-то авторитетной комиссии признан чуть ли не чудом века. Вспоминаю некоторых наших бедных ученых, которые клюнули на эту удочку и вынуждены были приобретать эти красочно оформленные сертификаты и медали (они различались градациями типа: «серебряная», «золотая», «платиновая» и т. п.). Потом, с расширением интернет-возможностей, появилась новая игра, правда, уже не имеющая прямого отношения к науке. К примеру, вдова погибшего в авиакатастрофе генерала из Лямбу-Мумбу или арестованного там же банкира, сумевшая увести от конфискации активы своего мужа, очень хочет поделиться ими с вами.

Вопрос о судьбе науки, созданной и выпестованной в республиках Центральной Азии в советское время, — один из самых больных. Если в России, скорее всего, все же будут найдены новые подходы, и власти, прежде всего в силу становления нового геополитического статуса России, будут вынуждены считаться с необходимостью возрождения и наращивания научного потенциала страны, то в Центральной Азии дело обстоит иначе. Не исключено, что здесь нет ясных представлений на перспективу: что же делать с этой наукой, с этим огромным и избыточным теперь уже советским наследием? О гуманитарных науках официальное представление вроде бы достаточно ясное: они должны обслуживать идеи национальной самобытности, почвенности, независимости и заниматься поисками их истоков и оснований, начиная с глубокой древности. Политики, а вслед за ними официальная историография и огромная масса самостийных историков-любителей, хотят четко различить и разграничить: «это наше — а это ваше». Без «национальной гордости» ведь никуда. И даже опасно — все культурное наследие смешают и «зальют» кока-колой (мы не против кока-колы как напитка, но находим его удачной метафорой масскультуры, объясняющей, как привнесенный извне продукт может вытеснить собственные традиционные и более качественные продукты).

Конечно, я несколько преувеличиваю, но не намного, в целом так оно и есть. На данном этапе, в условиях становления новой национальной государственности, это неизбежный и едва ли не закономерный подход. Но что делать с естественными науками, развитие которых требует серьезных субсидий? К тому же потенциал ее заметно поредел, устремившись в разные зарубежные научные центры Азии, Европы, Америки, где, подвергая селекции гуманитариев, охотно привлекают бывших советских технарей и естественников, причем без ограничений по возрасту и партийной принадлежности. Возможный выход, о котором иногда говорят, — узкая специализация науки по отраслям, соответствующим приоритетным направлениям в экономике каждой страны. Все остальное, видимо, придет к своему естественному завершению и сохранится только в анналах истории и в качестве учебных дисциплин в системе вузовского

образования. Очевидно, что эта «часть» науки, если и будет существовать у нас в будущем, то исключительно благодаря «мифическому сознанию» ее носителей, тех, кто по-прежнему предан своему делу и продолжает работать почти «на общественных началах». Но это поколение постепенно уходит.

Потери касаются не только научного знания как такового. С исторической сцены исчезает хотя и тонкая, но очень социально значимая прослойка людей, некогда существенно влиявшая на сознание общества. То есть фактически незаметно происходит структурное изменение самого общества, которое в своем новом виде будет заметно отличаться не только от советской, но и от предшествующей ей в Центральной Азии мусульманской модели носителей знания. О советской модели и ее положительных сторонах достаточно хорошо известно. Напомним о том глубоко почтительном отношении к ученым, к носителям знания, мудрецам в мусульманской культуре, которое формировалось в Центральной Азии столетиями. Им была пронизана вся народная культура, где ученый человек, он же и учитель — носитель традиционных знаний имел даже более высокий статус, чем статус родителей, его фигура была едва ли не сакральной. Такое уважительное отношение к знающему человеку во многом все еще сохраняется и теперь по всей Центральной Азии в народном сознании, еще не подвергшемся (в отличие от многих стран и регионов мира) окончательной коррозии всеобщего нигилизма и равнодушия. Советская же система, хотя и стояла на принципиально ином идеологическом основании, в основе своей сохранила и закрепила статус ученого как общественно значимой фигуры. Ученый пользовался почетом и целым рядом гарантированных льгот и условий для научно-творческой работы. Теперь, при господстве нового мышления, основанного на совершенно противоположных ценностях, измеряемых почти исключительно количеством «зеленой бумаги», все эти рассуждения о народных этических представлениях кажутся анахронизмом, потерявшим свой смысл. Кому нужны нынче мудрецы, медлительные и созерцательные, когда реальность такова, что доллар проникает в самые отдаленные места проживания человека и потаенные уголки его души, разрушая традиционные ценности и сложившиеся между людьми отношения? Он как бы работает сам по себе. И от этого никуда невозможно деться. Здесь трудно не согласиться с хрестоматийным ленинским: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя».

«Конкретный человек» и «лох»

Среди тех, кто постепенно приходит на смену тонкой прослойке носителей знания и культуры, есть один очень интересный (хотя пока и малочисленный) тип личности, появившийся уже после распада СССР, — динамичный, деловой и успешный, сознание которого теперь не ограничено пределами одной национальной культуры или страны, но разомкнуто во вне, преимущественно в сторону евро-американских жизненных ценностей. Это определенно новый человек, новый герой, принадлежащий эпохе глобализации. Не испытывая ностальгии по разрушенной большой общей стране, лишенный каких-либо эмоций или комплексов, и черпая знания только из интернета, этот новый человек отвечает уже иным параметрам профессионализма, техногенного в своей основе, и обладает своим «кодексом адекватного поведения». В его формирова-

нии не задействованы силы прошлого, но можно видеть, что некоторые его особенности все же соприкасаются с отдельными из них, близкими по духу, хотя и возвращенными в других социальных условиях. Конечно, наш взгляд — это некое упрощенное изображение многообразной социальной картины, которая отнюдь не сводится к дихотомическому разделению на «плохих богатых» и «несчастных, но хороших бедных». Современное состояние общества теперь уже значительно сложнее и многообразнее. В нем есть и динамично развивающийся прагматизм, и позитивная предприимчивость, трезвость и деловитость, отсутствие которых в свое время так негативно сказалось на состоянии советского общества. Но не наша задача в данной статье проводить социологическое исследование. Мы лишь хотим обозначить те истоки или, точнее, один из истоков, с которым связано формирование новой личности в культуре — личности с «хозяйской» психологией.

Для России и некоторых стран нашего региона его нужно искать в «лихих девяностых», когда многое подпитывалось «криминальной этикой». Именно тогда «конкретный человек» с его сленгом («он их конкретно развел» и т.п.) и с его собственной «картиной мира» стал выражением успешного человека. Он возник в противоположность «лоху» — а этим словом в недалеком прошлом были испещрены многие подъезды, стены и заборы, по-видимому, на всем пространстве СССР (во всяком случае, в ЦА мне довелось это видеть в самых неожиданных местах во многих городах каждой из республик). Ранее, чем в других, те, кто почувствовал тогда грядущие «перемены», появились в молодом поколении. В противоположность «конкретному человеку» «лох» обозначал «неконкретного» — неуспешного, не умеющего делать деньги, не способного устроить свои делишки за счет других. «Конкретные люди» за двадцать лет много чего добились, устроили свое «новое дело», оно заработало, принося и обществу различные материальные блага. Но добивались они этого разными способами и разной ценой. Теперь иных из их числа понемногу и дозированно стала «успокаивать» сама власть. А то ненароком доведут до новых социальных потрясений — близок 17-й год! Хотя вышли-то все они из народа, «дети семьи трудовой» — других классов и не было, — в России они, сколачивая первоначальные капиталы, обездолили миллионы «лохов», отняв у них квартиры-хрущевки, пенсии, все сбережения, работу, укоротив их жизни или даже отняв их — истребив физически или доведя до самоубийства. А сколько по всему бывшему СССР разрушенных и разъединенных семей, брошенных родных городов, загубленных надежд и остановленных начинаний! Конечно, все это не только на совести «конкретных людей», но происходило не без их совокупного участия.

Свершился и обратный прыжок — из царства свободы в царство необходимости (вот и бросишь свою научно-творческую, но никому не нужную профессию и займешься делом). Конечно, сравнение может показаться неуместным и даже кощунственным, но иногда думаешь, что масштабы этого процесса не меньшие, чем масштабы репрессий 30-х годов. Но только нынешних-то некому оплакать и воспеть, увековечить в списках и в мемориальных музеях репрессированных. А и то, представьте себе: «Музей жертв переходного периода на территории СССР» или «Музей вынужденных переселенцев и обездоленных представителей разных народов» этого же периода.

Общество незаметно поделилось на «советских лохов» и успешных «конкретных человек», на «бывших советских» и новую буржуазию. Последняя разработала и свою субкультуру со специфическим набором ценностей, главной из которых стали «интересы».

Интересы как движущий фактор

Интересы — один из универсальных, имеющих устойчивые биологические основания принципов жизни, который теперь неотвратимо овладевает и культурным пространством Востока — Центральной Азии. Устоит ли, одолеет ли Восток как большое культурное пространство со своими тысячелетними культурными ценностями и принципами это дьявольское нашествие эпохи глобализации или пойдет по «общим путям»? Поневоле начинаешь задумываться о национальных духовных ценностях и о неизбежном поиске баланса национального и общечеловеческого.

Конечно, интересы существовали всегда, в том или ином объеме. Но никогда в таком, как это наблюдается сейчас, когда нарушены все пропорции и все мыслимые пределы. Были известны различные движущие факторы общественных отношений, процессов и даже прогресса. Интересы, например, смыкались с поисками и обладанием «дефицитом». Старшему поколению в бывшем СССР еще помнится замечательная сценка Аркадия Райкина о дефиците как специфическом двигателе общественных отношений. Но был при этом и дефицит книжный. Пусть и не все читали, но почти каждая семья охотилась за книгами, даже тогдашние «буревестники» экономических перемен — жулики-толстосумы (теперь они реформаторы) — и те собирали библиотеки. Это считалось престижным.

Теперь, в условиях рынка, дефицита материальных ценностей давно нет. Интенсивно формируется и уже почти сформировалось пресловутое «общество потребления». А дефицит иных, нематериальных ценностей больше не осознается в полной мере большинством общества. Теперь это удел тонкого слоя отторгнутых успешным обществом интеллигентов. «Уходящая натура» и целое поколение. Теперь и времени-то нет, чтобы осознать, а главное прочувствовать утрату. А те, кто это делает в силу потребностей своего таланта — писатели, поэты, художники — работают в очень узком пространстве и обречены на неуспех. Да и не нужны они теперь как будто не только обществу, но главное — времени, эпохе, разве что как объект купли-продажи у «конкретных людей».

Впрочем, иногда и быстродвижущийся человек со своими каждодневными *интересами* задумывается об утрате каких-то иных ценностей, существовавших в его молодости — о немеркантильном и душевном общении, о чтении классической литературы, посещении театров и выставок и т.п. Но это ненадолго, и разговоры об этом обычно случаются почему-то с водителями частного извоза и таксистами. А с кем еще говорить, если все экстремально заняты? Посокрушаются такие водитель и пассажир немного и — дальше, уже без остановки. Нет у них времени, чтобы остановиться и вникнуть во все утраты. Да и нужно ли расслабляться эмоционально, когда каждый день, без выходных, приходится думать о хлебе насущном, а к нему еще ой как много можно подбавить разных соблазнов, о которых вещают со всех сторон — и в визуаль-

ном, и в звуковом, и в каком угодно другом оформлении. А тут еще и интересы политические, тиражируемые с утра и до утра средствами массовой информации. Трещат без умолку все эти СМИ о «национальных интересах государств», о «стратегических партнерах», о взрывах и убийствах... Иногда думаешь: а может, и хорошо, что у нас в стране немного по-другому, пусть будет разнообразие. Нет у нас своих ужастиков-программ, а люди все больше поют и танцуют, хотя над нами и смеются. А надо тебе — переключай на другие программы. Переключишь — а там опять та же песня, только под другим соусом: раз ты такой умный, почему же тогда такой бедный? Бедность, мол, — состояние ума. Перестраивайся, пока не поздно.

Так стремительно меняется жизнь, что культурные картины прошлого мелькают, как в кино. Собственно, они там только и остались, в кино — документальном и игровом — там и хранятся. Хорошо, если это национальное кино со своими, пусть наивными и смешными, но добрыми мифами, а не одно из тех высокоталантливых произведений зарубежных мастеров, по ходу действия которых что-то вдалбливают в голову на высоком техническом и художественном уровне. Если документальное — то «комплекс жертвы» тоталитарной системы, репрессий и произвола, а если художественное, то — «береги и собирай доллар смолоду». Теперь и с Запада бежать-то некуда, Восток — уже не место паломничества, а зона коммерческих интересов инвесторов. И это, к сожалению, неизбежный процесс.

Разрушенные культурные ценности почти не поддаются восстановлению физически, но в памяти людей они остаются и «разрушенными», как бы кто ни старался забыть об этом. Здесь Запад и Восток накопили богатую историю своеобразного «взаимодействия» и «обмена опытом». На памяти последнего времени — варварское разрушение талибанскими боевиками всемирно известных гигантских буддийских скульптур в Бамиане. О нем много было разговоров. Но мало кто вспоминает о сходных, хотя и не столь масштабных разрушениях во время египетского похода Наполеона. Тогда наполеоновские солдаты, развлекаясь стрельбой из пушек, выбрали мишенью и изуродовали лицо Сфинкса. Прошло два века, и «опыт» повторился, но уже на более высоком техническом уровне и по отношению к собственной культуре, но, несомненно, с определенными интересами.

Все сопряжено и взаимосвязано, через века и расстояния; как ни старайтесь, ничего нельзя вычеркнуть и переиграть заново. Сможет ли культура Центральной Азии сохранить свои исконные интересы и ценностные ориентиры или же окончательно окажется вовлеченной в общий водоворот неукротимой глобализации, зависит не только от самой Центральной Азии, но и от усилий всех, кто заинтересован в сохранении человеческого и духовного в человеке.

*Ташкент,
февраль 2014*

Андрей Столяров

Новая земля и новое небо

Наш язык — самый красивый.
Скоро все будут говорить по-монгольски.
Чингисхан в фильме «Монгол».

Пакс Экономикана?

Последние десятилетия в нашем сознании, как, впрочем, и в сознании большей части мирового сообщества, безраздельно властвует экономика. Сообщения о ставке рефинансирования, об уровне инфляции и о рецессии, в которую вползает страна, звучат как сводки с театра военных действий. Бурно обсуждается взлет потребительского кредитования, трудности с ипотекой, колебание мировых цен на нефть. Язык экономики начинает вторгаться в области, весьма далекие от нее. Рождение детей теперь трактуется как инвестиции в будущее, спасение души рассматривается как банковский вклад с неограниченными процентами. Справедливым оказалось утверждение Александра Неклессы, возвестившего еще лет пятнадцать назад наступление Pax Economicana. Более того, хотя никто прямо об этом не говорит, но если судить по акцентированию политиками и прессой чисто экономических тем, мы как будто вернулись к наивному представлению прошлых веков, что с повышением материального благосостояния все остальные проблемы будут решены сами собой. Главное — это рост производства, главное — эффективность принимаемых экономических мер. Это универсальное государственное лекарство. Это панацея от всех социальных и политических бед.

Между тем даже поверхностный анализ показывает, что эффективная экономика вовсе не является гарантом стабильности. Множество острых конфликтов вспыхивает как раз в экономически развитых и внешне успешных странах. Достаточно вспомнить грандиозные «восстания предместий» во Франции 2005 и 2007 годов или колоссальный погром в Лондоне (и других городах Англии) в августе 2011 года. Несмотря на некоторые экономические мотивы, оба этих конфликта, несомненно, были порождены разницей религиозных воззрений и национальных культур. Европейские мигранты восстали против своих

Столяров Андрей Михайлович — прозаик, автор не только художественных произведений, но и многочисленных статей по аналитике современности, а также книги по философской аналитике «Освобожденный Эдем» (2008). В «Дружбе народов» публикуется впервые.

метрополий. Пламя вспыхнуло там, где его ждали меньше всего. Вот проблема, которая действительно стоит перед миром, и что делать с этой проблемой — не знает никто. Не помогает никакая социальная терапия. Национализм стал силой, способной до основания потрясти самое благополучное общество. Россия с ее полиэтническим населением, несомненно, является в этих координатах «слабым звеном». Динамика межэтнических столкновений в ней стремительно нарастает. И потому, вопреки устоявшейся точке зрения, мы рискнем утверждать, что главные проблемы современной России не экономические, каковые обычно выносятся властью на первый план, а национальные — от них зависит само существование нашей страны.

Причем, в отличие от экономики, эти проблемы невозможно решить чисто рациональным путем. Национальное самосознание вообще плохо поддается рационализации — корни его уходят в архетипические глубины веков.

Из темноты

Выскажем мысль, которая, возможно, покажется странной. Русский этнос, в отличие от многих других, никогда не имел сугубо этнической идентичности. Он всегда был включен в идентичность более высокого уровня.

Это характерно уже для периода Древней Руси. Местная идентичность, к тому же носившая еще отчетливо племенной характер, была в то время несомненно сильнее общей этнической идентичности. Тогдашний русский ощущал себя в первую очередь киевлянином, галичанином, ярославцем, владимирцем, новгородцем и только уже потом — этнически русским. Впрочем, доминирование местной идентичности над национальной типично и для других крупных этносов, складывавшихся из конгломерата родственных между собою племен. Специфика собственно «русскости» заключалась на данном этапе в том, что она имела не столько этнический, сколько теллурический (территориальный) оттенок. Здесь она работала в полную силу. Русскость определялась через принадлежность к единой земле, что весьма убедительно выражено в летописных источниках: «...откуда есть пошла Руская земля... откуда Руская земля стала есть» («Повесть временных лет»), «О, Русская земля, ты уже за холмом» («Слово о полку Игореве»), «Слово о гибели земли Русской», и т.д. и т.п. Никаких сказаний о «земле английской», «земле французской», «земле голландской», насколько известно, в соответствующих национальных летописях не содержится.

Уникальная теллурическая идентичность — это особенность именно начального русского этноса, и возникла она, вероятно, как следствие легендарного «призвания варягов». Здесь, на наш взгляд, произошла двойная символическая инверсия: микроэтноним «русь», как варяги предположительно называли себя, превратился в топоним, покрывающий всю «русскую землю», то есть землю, где властвовала когорта «русских князей»¹, а топоним по прошествии времени вновь стал этнонимом, обобщив таким образом все населявшие данную область славянские племена. Заметим, что это косвенный довод в пользу норманнской

¹ В частности, К. Маркс назвал Древнюю Русь «империей Рюриковичей». См. *Маркс К.* Разоблачения дипломатической истории XVIII века. // Вопросы истории. 1989. № 4.

теории, поскольку антинорманнисты при всем их патриотическом темпераменте внятно объяснить, откуда взялось самоназвание «русский народ», все же не могут.

В свою очередь, в период Московского царства преобладала московская, то есть государственная, идентичность. Учитывалось прежде всего подданство (политическое гражданство), а конкретная национальная принадлежность значения не имела. Татарский князь, поступивший на службу к Москве, имел такие же этнические права, как и князь рода Рюриковичей. Он во всех отношениях был ничуть не менее «русским». Вспомним хотя бы гротескное, но весьма показательное «воцарение» касимовского хана Симеона Бекбулатовича, сначала посаженного «великим князем всея Руси», а потом ставшего «великим князем Тверским».

Точно так же в период имперской России доминировала имперская идентичность. Русским мог считать себя каждый, кто принимал российское подданство — этот термин обозначал опять-таки не столько национальность, сколько гражданство. Князь Багратион, недовольный ходом военных действий против Наполеона в Отечественной войне 1812 года, писал Аракчееву (а в действительности, вероятно — для сообщения императору Александру I): «...вся главная квартира немцами наполнена так, что русскому жить невозможно». Напомним, что Багратион по национальности был грузином, более того — происходил из царской династии Багратионов. Это, как видим, нисколько не мешало ему называть себя русским.

Правда, сильный крен в сторону этнической русскости был сделан в короткое царствование Александра III. Но, во-первых, уже был близок финал Российской империи: «кого бог хочет покарать, того лишает разума». А во-вторых, учитывая иностранные браки русских царей, в самом императоре Александре III было по разным подсчетам от одной тридцать второй до одной девяностошестой долей собственно «русской крови», что — еще раз подчеркнем — нисколько не мешало ему считать себя истинно русским.

И наконец, в период существования СССР приоритет имела советская идентичность. Была провозглашена новая историческая, социальная и интернациональная общность «советский народ», имеющая единую цель — построение коммунизма. Предполагалось, что собственно «национальная общность находится в органическом единстве с <этой> более высокой, интернациональной общностью, и представители любой нации и народности СССР считают себя прежде всего советскими людьми».

Заметим, что это не было явным преувеличением. Наднациональная общность «советский народ» действительно существовала. Об этом свидетельствуют и его единство в Великой Отечественной войне, поскольку большая война всегда является проверкой полиэтнического государства на прочность, и громадное количество межнациональных браков, препон для которых, в отличие от колониальных империй Запада, практически не было, и весьма пестрый, именно в национальном аспекте, состав советских властных элит. Вспомним: Сталин — грузин (или — огрузиненный осетин), Каганович — еврей, Микоян — армянин, Брежнев — видимо, украинец¹, Пельше (член политбюро ЦК КПСС) — латыш, Шеварднадзе (член политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел

¹ В официальных документах Л. И. Брежнева указано то украинец, то русский.

СССР) — грузин, Алиев (член политбюро ЦК КПСС) — азербайджанец, Кунаев (член Политбюро ЦК КПСС) — казах, Громыко (член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР, председатель Президиума Верховного Совета СССР) — белорус, а также: маршал Рокоссовский — поляк, маршал Баграмян — армянин, маршал Москаленко — украинец...

Фактически русский этнос никогда не был самим собой. Он всегда выступал в истории как некое надэтническое сообщество. Он отождествлял себя не столько с нацией, сколько с государством, и культивировал не столько этнические, сколько государственные черты.

Опыта самостоятельного этнического бытия, отрефлектированного культурой, у него нет.

Ситуация изменилась лишь в конце XX века. После распада СССР неожиданно выяснилось, но не сразу был воспринят национальным сознанием очень значимый факт: русские впервые в истории обрели собственную государственность. Напомним, что согласно критериям, которых придерживается ООН, государство считается мононациональным (моноэтническим), если численность титульной нации превышает в нем две трети всего населения. А согласно последней переписи (2010 года), русских в России сейчас 80,9 процента. Ближайшее по численности национальное меньшинство, татары, составляют всего 3,9 процента от общей численности россиян¹.

Русских в России оказалось больше, чем евреев в Израиле, который многонациональным государством никто не считает.

Вот факт, которым более нельзя было пренебречь.

Внезапно, будто вынырнув из темноты, на карте мира появилось русское национальное государство.

Мифология национального

Национальные государства начали возникать в Европе в середине XVII столетия как результат «вестфальской системы» мироустройства, сложившейся по итогам опустошительной Тридцатилетней войны 1618 — 1648 годов. Провозглашая принцип «чья земля — того и вера», то есть утверждая приоритет сложившихся к тому времени национальных культур, данная система предполагала, что отныне базисным элементом геополитики становится именно нация: она обладает абсолютным, неотчуждаемым суверенитетом над своей территорией. Подтверждалась также суверенность национальной власти, какой бы, монархической или республиканской, эта власть ни была, и суверенность религии, которую данная нация исповедует.

Таким образом преодолевалась структурная неопределенность Средневековья, когда границы земель менялись в зависимости от воли или могущества феодалов — реальность Нового времени была зафиксирована устойчивыми социально-экономическими образованиями. Позже эта идеология была закреплена Священным Союзом, стремившимся утвердить незыблемость тогдашних

¹ Федеральная служба государственной статистики. Социально-демографический портрет России по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. Официальное издание. — М.: 2012. С. 72.

европейских границ, Ялтинскими и Потсдамскими соглашениями о послевоенном устройстве мира, уставом ООН, провозгласившим представительство в этой организации не этносов и народов, а именно государств, Хельсинкскими соглашениями 1975 года о нерушимости государственных границ в Европе.

Обратим внимание на цивилизационную неравномерность этого процесса. В Европе становление национальных государств началось, как мы сказали, еще в XVII веке и завершилось в главных своих чертах по окончании Первой мировой войны — после распада Австро-Венгерской, Османской и Российской империй. В Латинской Америке аналогичный процесс пошел лишь в начале XIX столетия и принял форму боливарианских освободительных войн, в Африке и Азии — еще позже, в основном во второй половине XX века, и движущей силой его являлись национально-освободительные движения.

То есть особенности современного русского национального самосознания объяснимы еще и тем, что русский этнос обрел статус нации (самостоятельного государственного бытия) с большим опозданием по сравнению со многими другими народами. И вместе с тем, поскольку механизмы государственно-этнической консолидации являются скорее всего универсальными, то именно они и определяют сейчас мировоззренческую специфику современной России.

Посмотрим, какова эта специфика.

Основой существования любого этноса является миф. Миф — это малая этническая космогония, легенда о сотворении данной нации, представление этноса о самом себе — о своих лучших и худших чертах, выражающихся в конкретных поведенческих практиках.

Причем, как древнегреческая трагедия требует для своего воплощения «трех единств» — единства места, единства времени и единства действия — так миф для воплощения этноса объединяет примерно те же параметры. Он мотивирует территориальное единство этноса («земля предков», «историческая прародина»), единство времени (общность происхождения, общность истории), единство действия, выраженное в общности этнокультурного бытия.

Нация создается в пространстве мифа.

В свою очередь, в базовый национальный миф входят как составные части три других мифа, каждый из которых, впрочем, имеет самостоятельное значение.

Миф о героической истории данного этноса.

Миф об избранности народа, носителя высокой культуры.

Миф о вражеском окружении, о тех вызовах и угрозах, которым этнос (народ) обязан противостоять.

Миф о героической истории является своего рода этнодицеей, то есть оправданием этнического бытия. Он свидетельствует о том, что данная нация всех победила, преодолела немыслимые трудности и препятствия, образовала собственное государство и тем самым доказала свое право на существование. Героическую историю имеет даже самая малая нация, давно уже утратившая любые экспансионистские притязания. Голландский героический миф, например, опирается на великую Голландскую империю (Вест-Индия), на первую в Европе республику, которая подала пример другим европейским народам, на героическое отвоевание земли у моря — строительство голландских плотин и дамб. Героический миф Андорры опирается на древность этого крохотного государства, существующего с 790 года, на героические сражения андоррцев с

маврами, на героическое отстаивание своей независимости. Причем любопытно, что разные по содержанию мифы могут возникать на одной и той же реальной фактуре. Скажем, Вторая мировая война для России — это сражение под Москвой, Сталинград, битва на Курской дуге, штурм Берлина. А та же война для Запада — это битва при Эль-Аламейне, высадка на Сицилии в 1943 году, высадка в Нормандии в июне 1944 года. Англия добавляет к этому «битву за Британию» — воздушное сражение с немецким люфтваффе летом — осенью 1940 года, а Соединенные Штаты — войну с Японией на Тихом океане.

В общем, как пишет один из исследователей, «под воздействием социальных мифов история возникновения и развития государств и наций, как правило, искажается и мифологизируется настолько, что ее объективный анализ теоретически возможен только при критическом сопоставлении различных источников. Однако в большинстве случаев это <также> практически невозможно из-за пристрастности, субъективности или ангажированности... По сути дела, вся мировая история стала объектом постоянных манипуляций»¹.

Действительно, если спросить среднего американца, кто победил во Второй мировой войне, то он ответит (если вспомнит, конечно, что такая война вообще была), что во Второй мировой войне победила Америка и что главное сражение этой войны произошло у атолла Мидуэй, где американский флот разгромил японскую военно-морскую эскадру.

В свою очередь, *миф об избранности народа* подразумевает, что данный народ обладает такой совокупностью позитивных качеств и черт, которая с очевидностью выделяет его среди всех остальных. Говоря проще: мы — лучше других. Евреи — избранный народ, поскольку у них заключен прямой договор с богом, значит после «конца истории» будут спасены только они. Французы — избранный народ, потому что они создали Европу: считается, что основой современного европейского бытия стал Гражданский кодекс Наполеона. Плюс к этому — великая французская живопись, великая французская литература, великие французские музыка и театр. Немцы избраны, поскольку они принадлежат к арийской сверхрасе (в подсознании у немцев это сохраняется до сих пор), вообще — этническим субстратом Европы явились в основном германские племена. Опять-таки — великая немецкая философия, великая немецкая музыка, великая немецкая литература. Американцы — избранная нация, потому что они построили «град на холме», общество, где реализованы истинные заповеди божьи, что является безусловным примером для всех. Ну, а русские — это самый духовный народ, исповедующий, в отличие от меркантильных западных стран, подлинно высокие христианские ценности.

И наконец, *миф о вражеском окружении* утверждает, что всегда наличествует угроза существованию данной нации. Эта угроза может быть четко определена: фашизм, коммунизм, капиталистический мир, исламские террористы и т.д. и т.п., но она может присутствовать и в неявном, неосознанном виде — просто как вызов будущего, который еще нуждается в категориальной рефлексии. Причем, следует подчеркнуть, что угроза, встающая перед нацией, не есть чистая выдумка идеологов, политиков или пропагандистов. Угроза национальному государству действительно существует всегда — хотя бы как конкуренция со

¹ Ферсович В.В. Использование мифов в интересах информационно-психологического воздействия. — <http://sociologi.narod.ru/pr/1.htm>

стороны аналогичных национальных сообществ. Тем более это относится к вызовам будущего, которые возникают спонтанно и независимо от какой-либо идеологии. Идеология лишь придает этим вызовам конкретные зримые формы. Однако сам миф о вражеском окружении есть неотъемлемая мифологическая константа в сознании любой нации.

Подчеркнем принципиальные качества мифа, которые, на наш взгляд, чрезвычайно важны.

Во-первых, это императивность мифа, то есть его способность мотивировать нацию — в значительной мере определять ее мировоззренческую и деятельностную конфигурацию. Данное качество мифа выделил еще Ролан Барт; иллюстрируя эту мысль, он приводит в пример журнал «Пари-Матч», где на обложке изображен молодой африканец (негр), но во французском мундире, отдающий честь на французский манер, и интерпретирует его как месседж, обращенный к стране: «Французская империя была, есть и будет». Причем это не чисто политическая мотивированность, объясняемая ситуацией тех трудных для Франции лет, но мотивированность онтологическая, фиксирующая и воспроизводящая «имперскость» французского национального самосознания.

А во-вторых, что, вероятно, еще важнее, миф сильнее реальности. Миф может в значительной мере не совпадать с текущей реальностью, может, напротив, почти полностью с ней совпадать, может совпадать лишь частично, однако несомненно одно: при несовпадении мифа с реальностью побеждает, как правило, миф.

Показательным в этом смысле является миф советского социализма. Подавляющее большинство граждан СССР (разумеется, гауссианское большинство) было твердо убеждено, что, несмотря на отдельные трудности, испытываемые «здесь и сейчас», оно живет в лучшей стране мира, за которой — историческое будущее. Факты, свидетельствующие об обратном: более высокий уровень жизни на Западе, наличие там социальной защиты и гражданских свобод, более мощная экономика и более высокие темпы развития, факты, которые, кстати, легко просачивались сквозь любую цензуру, массовым советским сознанием просто не воспринимались.

Или более близкий пример. Перед последним вторжением США в Ирак в западном медийном пространстве был создан конкретный политический миф: Ирак — это чрезвычайно опасное, агрессивное государство, имеющее ядерное оружие и готовое его в любой момент применить. Как известно, ядерное оружие в Ираке найдено не было, но свою роль в мотивировании вторжения данный миф все же сыграл. Более того, даже по прошествии полутора лет, согласно социологическим опросам, около половины американцев было убеждено, что оружие массового поражения в Ираке все же имелось. То есть миф опять-таки оказался сильнее реальности.

Пирамиды, Будда, Христос

Легко заметить, что все три указанных мифа сейчас активно присутствуют в русском (российском) национальном сознании. Причем также легко заметить, что по идеологической фактуре своей они представляют собой реинкарнацию прежних советских мифов и мифов царской России.

Особенно показателен в этом смысле миф о героической истории нации. В русском национальном сознании существует отчетливое представление, что во время татаро-монгольской экспансии XIII столетия Древняя Русь спасла Европу. Конечно, русские князья в борьбе с монголами потерпели сокрушительное поражение, иго воцарилось на русской земле на двести пятьдесят лет, но монголы при этом понесли такие потери, что продвинуться дальше на Запад уже не смогли.

Особую роль в популяризации данного мифа сыграл А.С. Пушкин, провозгласивший в известной статье, что «России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработанную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся <европейское> просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией».

Как известно, Пушкин — это «наше все», да и выглядит данная версия вполне логично. Однако, несколько не подвергая сомнению героическую жертвенность Древней Руси, заметим, что такой же миф существует и у поляков. Конечно, поляки потерпели от монголов сокрушительное поражение, битва при Легнице была ими проиграна, но монголы при этом понесли такие потери, что продвинуться дальше, в Европу, уже не смогли. Европу спасли поляки. Точно такой же миф существует у венгров. Конечно, венгры в битве с монголами были разгромлены, монголы взяли столицу тогдашней Венгрии Пешт, король Бела IV бежал в Вену, но монголы при этом понесли такие потери, что продвинуться дальше, в Европу, уже не смогли. Европу спасли венгры. И аналогичный миф существует у чехов. Правда, как считают историки, фрагмент о героической битве чехов с монголами является артефактом, позднейшей вставкой в Краледворскую рукопись. Однако это ничего не меняет. В народном сознании миф живет. Европу спасли именно чехи — не русские же, в конце концов. Сюда также можно добавить, что, по мнению ряда серьезных историков, Европу вообще никто не спасал. Просто в это время умер верховный хан Угэдэй, начались раздоры в самой Орде, и монголы повернули войска — власть в империи им, конечно, была важнее, чем мелкие европейские государства.

Вместе с тем жертвенный героизм Древней Руси, спасшей Европу от варваров, в русском национальном сознании сомнению не подлежит. Тем более, что в дальнейшем Россия спасла Европу сначала от Наполеона, а затем — от Гитлера.

Аналогичная ситуация с двумя другими национальными мифами. Если сейчас провести прямо на улице «народный опрос»: какое качество является для русских главным, то ответ будет один: это духовность. Подразумевается «широта русской души», ее «всемирная отзывчивость», готовность к самопожертвованию ради других, презрение к сугубо материальным благам, презрение к выгоде, к мелочным торговым расчетам. Русский человек склонен жить высокими идеалами, а не ничтожной мирской суетой. Подразумевается также, что это качество изначальное: родился русским — уже духовный, и ничего делать не надо. Невольно вспоминается мысль Рильке о том, что Россия — это страна, которая граничит с Богом. Правда, американцы считают, что с богом граничит вовсе не Россия, а нынешняя Америка. Во всяком случае, президент Джордж Буш-младший признавался публично, что вторгнуться в Афганистан и Ирак ему велел

сам Господь Бог, а президент Обама в недавнем своем обращении к нации заявил, что американцы — это избранный народ (то есть народ, исполняющий промысел божий, и потому ему дано право вмешиваться в дела других). Можно также вспомнить, что незадолго до Первой мировой войны, когда в Германии только-только образовалось национальное государство, самым духовным народом в мире чувствовали себя немцы. Немцы совершенно искренне полагали, что Европа, которой они себя тогда не считали, насквозь пропитана меркантильным прагматическим духом: англичане, итальянцы, французы только и умеют, что торговать. Зато носителем высокой культуры, хранителем прекрасных нравственных идеалов является именно немецкий народ. Можно было бы привести и другие примеры, однако это вряд ли скажется на результатах опроса: миф есть миф, он вытесняет из сознания все, что противоречит ему. Русские воплощают собой истинную духовность, каждый, кто считает иначе, не любит ни свою великую родину, ни свой великий народ.

Что же касается мифа о вражеском окружении, то достаточно просмотреть патриотическую публицистику, которая сейчас явно преобладает в средствах массовой информации, чтобы понять: Россия окружена врагами. Со стороны Запада ей угрожает Америка, жаждущая расчленить нашу страну и завладеть ее богатейшими сырьевыми ресурсами, с Юга ей угрожает агрессивный ислам, Сибирь и Дальний Восток подвергаются «ползучей оккупации» со стороны непрерывно усиливающегося Китая. А что до Европы, так ведь еще тот же Пушкин сказал, что «Европа в отношении к России была столь же невежественна, как и неблагодарна». Кто же «нашему всему» осмелится возразить? Не лучше нынешние отношения России и со странами Ближнего зарубежья — они складываются из непрерывных конфликтов с Прибалтикой, Грузией, Молдавией, Украиной. В начале XXI века Россия оказалась в геополитическом одиночестве. Обнаружилось, что дружественных партнеров у нее нет — она пребывает в окружении конкурентов и недоброжелателей. Вполне естественно, что в сознании большинства россиян начал утверждаться известный тезис императора Александра III, который считал, что у России есть только два надежных союзника — армия и флот. Лишь вооруженные силы России являются гарантом того, что страна будет существовать.

К тому же все три мифа имеют явную тенденцию к идеологической гипертрофии. Они не просто утверждают право этноса на историческое бытие, они склонны преувеличивать позитивные качества «своей нации», зачастую переводя их в явный гротеск, тем не менее воспринимаемый членами данной нации как нечто вполне естественное. Мифы свидетельствуют не столько о реальных достижениях того или иного народа, сколько о нарциссическом восприятии им самого себя. Не избежал этого и нынешний русский этнос. За десятилетие становления русского национального сознания в российской прессе появилось невероятное количество публикаций, в том числе и претендующих на научность, где утверждалось, например, что Киев основали этруски (читай — русские), которые возвращались к себе на родину после осады легендарной Трои, что Иерусалим — это русский город (Яр-рус-олим), а Ватикан (Батикан) происходит от русского слова «батя», что египетские пирамиды, а также и Стоунхендж построены древнерусскими инженерами, что русские — это прямые потомки гиперборейцев или атлантов, сверхрасы древних людей, обладавших магическими способностями. Ну и прочие Арктиды и Аркаимы. Вершиной

этнического нарциссизма является, на наш взгляд, мысль, высказанная, кстати, профессором, доктором философских наук, о том, что русский язык возник более двухсот тысяч лет назад, и уже от него произошли потом многие современные языки, в том числе арабский, древнегреческий и китайский¹. Автор данного утверждения, вероятно, даже не подозревает, что в те времена (двести тысяч лет назад) еще не было даже кроманьонского человека и потому производит русский народ прямо от неандертальцев — что, разумеется, может многое прояснить в русском национальном характере.

Впрочем, эта идентификационная лихорадка не является спецификой только русского этноса. Она типична для всех «новых наций», декларирующих свой государственный суверенитет. Например, в украинской прессе периода легислатуры В. Ющенко было множество публикаций о древности украинского народа и языка. Он возник, оказывается, еще в VII веке до нашей эры, а в VII веке уже нашей эры вся Европа, как утверждается, говорила по-украински. Не исключено также, что древнеегипетские пирамиды возвели вовсе не русские, а украинские инженеры, поскольку именно древние египтяне были предками украинцев, ведь название главного древнеегипетского храма Хат-ка Птах звучит чисто по-украински («Хата Птаха»), а на изображениях, найденных археологами, часто виден трезубец — нынешний украинский герб. Украинцами, как замечают некоторые «исследователи», были также Будда и Христос². Это, впрочем, естественно. Кем они еще могли быть?

Заметим, что такое творение как «Рухнама», написанная первым президентом Туркменистана Сапармуратом Ниязовым³, или подчеркнутый «европеизм» (антирусскость) новых стран Балтии (прежде всего Латвии и Эстонии) — явления того же порядка.

Заметим также, что все три мифа сопряжены между собой. Миф об избранности народа поддерживается героическим мифом, который, демонстрируя исторические свершения нации, усиливает тем самым компоненту ее избранности, а избранность, интерпретируемая как превосходство, в свою очередь, поддерживает собой миф о вражеском окружении, поскольку всегда существуют люди и группы (нации), в эту избранность не допущенные и потому желающие ее сокрушить.

В общем, вывод напрашивается сам собой: на территории нашей страны, частично спонтанно, а, возможно, и частично осознанно, формируется сейчас не столько российское, сколько русское национальное государство. Об этом свидетельствуют и этническая аранжировка национальных мифов, где именно «русское» означает «российское» (точнее — полностью поглощает его), и социологические обзоры последних лет: лишь 55 процентов опрошенных называют себя россиянами, в то время как остальные предпочитают локальные идентичности (человек, семья, национальность, житель конкретного региона и т.д.).

¹ Боги меняются. Диалог Михаила Задорнова и Валерия Чудинова. // Литературная газета 5 марта 2008; Мы не жрецы. // Литературная газета 26 марта 2008; Древнее древнерусского. / Литературная газета 28 мая 2008.

² Газета Верховной Рады: Будда, Иисус Христос и древние египтяне были украинцами. // РИА Новый Регион — Киев. — <http://www.nr2.ru/kyev/224000.html>

³ «Рухнама» («Книга Души») утверждает богоизбранность туркменского народа. Книга была обязательной для изучения в школах и вузах в период президентства С. Ниязова.

Подлинная «российская нация» не возникла. Термин «россияне», используемый в течение последних двадцати лет, обозначает не столько собственно нацию (государственно-этнокультурную общность), сколько формальную гражданскую принадлежность. Фактически нынешняя Россия представляет собой разнородный этнокультурный конгломерат, потенциально готовый к различным геополитическим метаморфозам.

Это состояние, в свою очередь, предполагает высокие национальные риски, и, насколько можно судить, процесс их спонтанной реализации уже начался.

Русские против России

Формирование любого национального государства сопровождается, как правило, резким повышением этнической температуры, достигающей иногда критических величин. Это вполне естественно. При высокой температуре происходит плавление близких, но все-таки отличающихся региональных культур и слияние их в единую, достаточно однородную массу, которую мы воспринимаем как «нацию».

Данный процесс, однако, имеет и негативное содержание. В подавляющем большинстве случаев он воплощается в такое явление как *этнический патриотизм*.

Здесь необходимы некоторые пояснения.

Существование всякого этноса, обладающего собственной государственностью или не имеющего таковой, зависит, как правило, от его идентичности, то есть от способности представителей данного этноса ощущать свою безусловную этнокультурную общность.

Идентичность, в свою очередь, основывается на неких «первичных ценностях», подтверждающих для данного этноса уникальность и подлинность его бытия. Эти первичные ценности, фактурным выражением которых является миф, с одной стороны, как мы уже говорили, подчеркивают единство этноса: общность его истории, общность культуры, общность религиозных воззрений, общность этики, общность поведенческих стереотипов, а с другой, что не менее важно, — обозначают границы этничности, за которыми начинаются другая история, другая религия, другая этика, другая культура. Таким образом, по выражению философа Б. В. Маркова, обеспечивается «символическая защита»: этнос сохраняет свою уникальность, несмотря на воздействие иных национальных культур.

Внешним же проявлением идентичности и является патриотизм, то есть готовность членов данного этноса к сверхнормативным усилиям по сохранению или реализации общих бытийных ценностей. Патриотизм можно также определить как «включенность в общее дело»: готовность членов какого-либо сообщества согласовывать свои личные интересы с интересами идентификационного коллектива. В предельном случае патриот готов отдать жизнь ради той общности, с которой он себя отождествляет.

В координатах этничности — это показатель жизнеспособности этноса, тот витальный ресурс, который этнос способен реализовать.

Патриотизм оценивается позитивно практически в любой стране и практически везде определяется одинаково — как «любовь к родине». Это, на наш

взгляд, слишком расплывчатое определение, и чтобы продемонстрировать это, приведем в пример трех патриотов, каждый из которых доказал искренность своих патриотических чувств. Во-первых, Гитлер. Его «любовь к родине» сомнений не вызывает. Гитлер говорил «Дойчланд», и у него буквально слезы на глазах выступали, он говорил «юбер аллес», и у него от волнения прерывалось дыхание. Об этом есть множество бесспорных свидетельств. И он сделал все, чтобы Германия стала великой державой, а немцы — великой нацией, фактически, как и полагается патриоту, отдал ради этого жизнь. Второй пример — Сталин. Опять-таки существует множество бесспорных свидетельств, что Сталин абсолютно искренно любил и Советский Союз, и советский народ (кроме той его части, конечно, которую он считал «врагами народа»). И он также стремился к тому, чтобы первая в мире социалистическая страна стала великой державой, а советский народ — образцом для народов мира. Правда, жизнью он ради этого не пожертвовал, но он всю ее посвятил достижению данной высокой цели. И третий пример — президент Уганды Иди Амин. Конечно, Иди Амин был каннибал, в чем он сам не раз признавался, а также имел привычку хранить в холодильниках головы своих казненных врагов, однако это несколько не мешало ему искренно «любить родину». Он изгнал из страны всех «азиатов», которые грабили и обирали великий угандийский народ — экономика после этого рухнула, поскольку именно «азиаты», по большей части индийцы, занимались торговлей и производством, зато угандийский народ стал единым, и чистота угандийской крови была обеспечена. Иди Амин также провозгласил Уганду великой державой и на этом основании потребовал, чтобы Елизавета II, королева Великобритании, уступила ему пост председателя в Британском содружестве наций. Далее, следуя тем же путем, он объявил войну Соединенным Штатам Америки. Правда, длилась эта война менее суток: вечером Иди Амин ее объявил, а утром сообщил угандийцам, что война победоносно завершена: испуганная Америка признала решающую роль Уганды в международных делах.

Вот это и есть этнический патриотизм. Тот самый, который, исходя из философии христианства, категорически осуждал Лев Толстой, дав ему имя «национального эгоизма» и считая его подлинным источником зла, источником множества преступлений, трагедий и войн. И это действительно так, поскольку этнический патриотизм открыто или, задрапировавшись в политкорректную терминологию, провозглашает превосходство своей расы, религии, этноса над другими расами, религиями, этносами земли и исповедует лишь один принцип: «пусть всем будет плохо, только нам хорошо».

Добавим, что, когда нынешнее правительство РФ заявляет, что отстаивает национальные интересы России, оно демонстрирует тем самым приверженность как раз национальному эгоизму, — разумеется, в более мягкой форме, чем те «патриоты», которых мы приводили в пример, но все же — придерживаясь аналогичных координат.

В России сейчас господствует именно этнический патриотизм. Это можно диагностировать и по числу националистических организаций, выдвигающих лозунг «Россия — для русских», и по интенсивности «русских маршей», масштаб которых непрерывно растет, и по спонтанным приступам ксенофобии, вспыхивающим то в одной, то в другой точке страны. Подробных примеров здесь можно не приводить. Ими и так полна российская пресса. Это и массовые беспорядки футбольных болельщиков на Манежной площади в Москве, и инцидент в

Кондопоге, и недавнее Бирюлево, и дикий случай на станции метро «Удельная» в Петербурге, когда около сорока «патриотов» ворвались в один из вагонов и начали избивать пассажиров нерусской внешности. Такого рода конфликты уже стали нормой для межнациональных отношений в России. Никакие программы по воспитанию толерантности не помогают, никакие призывы к взаимному уважению не могут снизить накал национальных страстей. Этому препятствует внутренний механизм явления. Дело в том, что повышенная этническая температура, характерная для образования национального государства, и выражающий ее в виде идеологии этнический патриотизм порождают такой феномен как «разделение идентичностей». Ведь идентичность — это ее фундаментальное свойство — никогда не существует сама по себе; она возникает лишь по отношению к другой идентичности. Говоря проще: если в этнически разнородной компании, где особых поводов для разногласий нет, кто-то громко и гордо заявит, что он — русский (татарин, еврей), то остальные так же немедленно вспомнят о своей национальной принадлежности.

Вот в чем тут проблема

Чем интенсивней будет предъявляться русская идентичность, претендующая на национальный приоритет, тем интенсивнее будут предъявлены идентичности и других народов, населяющих ныне Россию. Причем такое спонтанное предъявление будет почти обязательно иметь конфликтный характер. Последнее связано еще с одним негативным свойством этнического патриотизма. В его мировоззренческой оптике «другой» всегда рассматривается как «чужой». Разница здесь принципиальная. «Другой» может быть достоин признания и уважения: он обладает теми качествами, которыми не обладаем «мы». Но появление «чужого» всегда воспринимается как угроза. «Чужой» — это агрессия, которая требует немедленных ответных действий. «Чужого» признать нельзя. Признание «чужого» в координатах этнического патриотизма означает национальную капитуляцию.

Результатом же подобной идентификационной механики является этническая сепарация, о которой мы писали в предыдущей статье¹, то есть обособление российских народов в своих национальных республиках. Или, другими словами, происходит «национализация» национальных республик: уменьшение в них доли русского населения и повышение в них собственной национальной температуры. Это также вполне естественно: если российскость означает русскость, то все остальные народы, проживающие сейчас в нашей стране, ощущают себя чужими. В «русской части» России они чувствуют себя нежелательными мигрантами, которых терпят, но не считают за равных себе, точно так же, как русские чувствуют себя нежелательными пришельцами в национальных республиках.

Конечно, сейчас, в период определенного экономического благополучия, этнический потенциал национальных российских республик реализуется в основном в сфере культуры. То есть, несмотря на отдельные неприятные всплески, он имеет, по большей части, декоративный характер. К тому же недавний пример Чечни показывает, что плата за попытку выхода из состава

¹ Столяров А. М. Россия и революция: ретроспектива и перспектива. // Знамя № 10, 2013.

России может быть чересчур велика: начнутся бомбежки, зачистки, теракты, кровавый хаос со множеством человеческих жертв. Однако в случае ухудшения экономической ситуации, вероятность чего для России достаточно велика, в случае резкой дискредитации и ослабления центральной власти может повториться ситуация времен распада СССР: из России уйдут многие национальные территории. Избежать этого, по-видимому, будет нельзя. Осуществится сценарий, который предсказал когда-то Збигнев Бжезинский: от России останется только ее европейская часть, окруженная государствами, не слишком дружелюбно настроенными по отношению к бывшей своей метрополии.

В общем, мы вынуждены опять сделать вывод, который, вероятно, не понравится большинству россиян. Наибольшую опасность для современной России представляет вовсе не экономический кризис, не рецессия, в которую сейчас вползает страна, не возможное падение цен на нефть — это мы как-нибудь переживем. Наибольшую опасность для России представляет нынешний русский этнический патриотизм, непрерывно повышающий риск распада Российского государства.

Новое небо

В трудной этнической ситуации находится сейчас не только Россия. Реальность, возникшая по окончании «холодной войны», оказалась совершенно иной, нежели ее представляли. Лет двадцать назад большинство аналитиков и политологов полагало, что в условиях глобализации начнется кризис национального государства. Многие даже предсказывали, что национальное государство исчезнет совсем — оно исчерпало себя в качестве интегративного оператора, на смену ему придут регионально-экономические идентичности.

В действительности все получилось с точностью до наоборот. После крушения громадных идеологических общностей («капиталистический мир» — «социалистический лагерь») резко актуализировались именно национальные операторы, что выразилось в распаде полиэтнических государств.

В настоящее время разделились на отдельные нации, образовавшие собственные государства, не только Советский Союз, Югославия и Чехословакия, но от Эфиопии отделилась Эритрея, от Судана — Южный Судан, возникли непризнанные или полупризнанные государства, имеющие четкую этническую основу: Турецкая республика Северного Кипра, Восточный Тимор, Иракский Курдистан, Южная Осетия, Абхазия, Приднестровская Молдавская республика и другие, происходит медленная диссоциация Англии, где выделяются в самостоятельные этногосударственные сущности Шотландия и Уэльс, диссоциация Испании, где выделяются Каталония и Страна Басков, диссоциация Бельгии на фламандскую и валлонскую части, постоянно дискутируется вопрос об отделении от Канады франкоязычной провинции Квебек.

Национальное государство не исчезло, как ему предрекали, а, напротив, продемонстрировало свою очевидную жизнеспособность.

Оно стало чуть ли не главным действующим лицом современности.

В связи с этим возникает вопрос: каковы в данных координатах перспективы России? Ведь Россия — это именно многонациональное государственное образование, и ее внутреннее устройство (федерализм) базируется на «этнической географии» — компактно проживающие народы имеют собственные республики.

Чтобы ответить на этот вопрос, вернемся немного назад и вспомним, что русский этнос никогда не имел собственно этнической идентичности, он всегда образовывал идентичность более высокого уровня, куда беспрепятственно — и, заметим, на добровольной основе — могли быть включены представители самых разных народов. Индиец или бирманец, например, стать англичанами не могли, точно так же, как яванец или малаец не могли стать голландцами, а вот татарин, литовец, мордвин с легкостью становились «русскими».

В качестве иллюстрации, помимо уже упоминавшегося материала, можно привести воспоминания С.М. Буденного, советского маршала, начинавшего свою службу вахмистром в царской армии. Буденный пишет: «Я попал в третий взвод, которым командовал поручик Кучук Улагай, по национальности карачаевец. Командиром эскадрона был кабардинский князь ротмистр Крым Шамхалов-Соколов. Полком командовал полковник Гревс, а дивизией — генерал-лейтенант Шарпантье». Армия, тем не менее, была русской.

Такое национальное качество можно определить как универсализм и, соответственно, такую национальную общность можно назвать *универсальной нацией*.

История знает всего две нации, сумевшие создать устойчивую универсальную идентичность, — это американцы и русские. Причем американцам, заметим, было намного легче: в «плавильный тигель» Америки попадали не крупные этнические целостности (народы), а отдельные личности или мелкие организации в виде семей или религиозных общин: включение в универсальную идентичность не было обременено территориальной традицией.

Подчеркнем также отличие универсальной нации от гражданской — два эти понятия часто смешивают друг с другом. Гражданская нация — это общность, выделяемая исключительно по критерию государственной принадлежности, никаких этнических трансформаций при этом не происходит. Английские мигранты, прибывшие в Англию из ее бывших колоний и обретшие все права граждан Соединенного Королевства, англичанами себя тем не менее не считают. Они остаются индийцами, арабами, представителями африканских народов. Это видно хотя бы по Лондону, который становится все менее английским городом. Точно так же не считают себя французами мигранты из Северной Африки, пусть даже формально они являются французскими гражданами. Нация — это не просто бюрократическая регистрация. Нация — это общность культурной символики, которая образует национальную идентичность. А как раз культуру Европы «новые граждане», мигранты из третьего мира, воспринимать не хотят.

Причем это касается не только мигрантов. Одной из главных трудностей Евросоюза является отсутствие в нем национальности «европеец». Конструкторы Объединенной Европы поставили телегу впереди лошади: создав единое экономическое пространство, они не создали единой общеевропейской идентичности. Им, видимо, это в голову не пришло. Или, возможно, они полагали, что подобная идентичность на основе экономического единства возникнет сама собой. Результаты оказались парадоксальными. Социологические опросы, регулярно проводимые в странах ЕС, показывают, что национальная идентичность в Европе пока еще явно преобладает над идентичностью европейской. Причем европейцами себя в значительно большей мере считают албанцы, румыны, литовцы (а также, добавим, участники Евромайдана на Украине), нежели традиционные европейские нации — немцы, англичане, французы. Это, кстати, непосредственным образом сказывается на экономике, особенно если она находится в кризисной ситуации. Зачем европейцы должны помогать европей-

цам, понятно: «мы — единый народ». А вот зачем немцы должны помогать грекам, которые просто «проели» бюджет страны, — это, конечно, тяжелый вопрос.

И еще один фактор имеет принципиальное значение для современной России. Это нынешняя демографическая ситуация, которую точнее следовало бы назвать «демографической катастрофой». Со времени распада СССР количество россиян, несмотря на ощутимую иммиграцию из «ближнего зарубежья», заметно уменьшилось. Сейчас оно составляет всего 143 миллиона человек¹, что критически мало для страны, обладающей самой большой территорией в мире. Причем распределено население крайне асимметрично: почти 80 процентов его сосредоточено в европейской, наиболее развитой части страны, а Сибирь и Дальний Восток представляют собой антропологическую пустыню. Средняя плотность населения России — 8 человек на квадратный километр.

Между тем Россия окружена демографическими гигантами, имеющими в отношении ее свои политические и экономические интересы. Это Европейский союз: общая численность населения 507 миллионов человек, Китай: население 1350 миллионов человек, США: население 320 миллионов человек. Не следует также забывать о Японии, там «всего» 127 миллионов человек, зато плотность 334 человека на квадратный километр. Сравните с Россией. Прошли те времена, когда Прокопий Кесарийский, византийский историк, писал о «бесчисленных племенах антов». Ныне уже не грозные «полчища скифов» нависают над цивилизованным миром, а, напротив, «цивилизованный мир» посматривает в сторону опустевающих российских земель.

Причем, несмотря на звон официозных фанфар, положение здесь вряд ли изменится к лучшему. Коэффициент рождаемости в современной России находится на уровне 1,7 (каждая женщина рождает менее двух детей), в то время как даже для простого воспроизводства населения нужен уровень в 2,1 ребенка на одну женщину. Если даже запущенные сейчас программы по поддержке рождаемости и семьи сыграют позитивную роль, в чем, кстати, многие социологи сомневаются, то результат все равно проявится очень не скоро. Согласно прогнозу Национального совета по разведке США, к 2030 году население России сократится до 130 миллионов человек и, вероятно, будет продолжать сокращаться. В геополитическом измерении это означает, что Россия окажется не в состоянии удержать свои обширные территории.

Создавать при подобных тенденциях русское национальное государство равносильно самоубийству.

В общем, суть, как нам представляется, абсолютно ясна. Она аналогична сути известного анекдота. «Рецепт Кутузова: чтобы спасти Россию, надо сжечь Москву». Здесь точно так же: чтобы сохранить Россию, русским надо перестать быть исключительно русскими. Нам необходимо отказаться от культивируемой сейчас этнической идентичности и вновь стать универсальной нацией, приемлющей все народы, все культуры и все языки. Национальному схлопыванию, которое влечет за собой нынешний этнический патриотизм, следует противопоставить национальное расширение, основанное на русской «вселенскости».

Фактически нам следует создать новую нацию.

Задача, конечно, трудная, но только тогда перед нами откроются новая земля и новое небо.

¹ Федеральная служба государственной статистики. Население, учтенное при Всероссийской переписи населения 2010 года. — http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-01_02.pdf

Чингиз Гусейнов

К вопросу о «русскости нерусских»

1

Названия такого рода, предваряемые словами «к вопросу о», были очень популярны в советские годы, предполагали как бы самозащитную фрагментарность, неполноту освещения проблемы. Так и в данном случае: я, многие годы будучи, как меня представляли, «двуязычным» или «русскоязычным» азербайджанским литератором, в той или иной степени пытался, с опорой на опыты — «свой» и огромного отряда русскоязычных писателей-инонационалов — осмыслить природу этого общемирового явления¹.

Формулировка «русскость нерусских» применительно к писательскому сообществу родилась у меня в процессе многолетних (продолжающихся по сей день) общений с французским русистом-славистом Леоном Робелем, чьи имя и труды были широко известны в СССР и помнятся, смею надеяться, сегодня². Будучи верным русистике и русской поэзии, он чуть ли не первый полвека назад обратил внимание на русскоязычных «нерусских» писателей, отметив, что мало кто задумывается над этим уникальным явлением, а ведь это — мощный культурный пласт, увы, оказавшийся за пределами «истинной» русской литературы.

Не приемля «литературоведческого» понятия «подстрочник», сопротивляясь ему, Л. Р. помыслить не мог о переводе не с языка оригинала, а для перевода с оригинала лучше всего подходили именно русскоязычные националы, именовавшиеся «двуязычными».

Общепризнанный факт: у нас редко переводили националов с оригинала, чего не скажешь о русской школе перевода с западных языков.

Я, естественно, желал приобщить Л. Р. (для тех времен факт: пока за рубежом не признают — не признают и не обратят плюс-минусового внимания на большой и малой родине) к переводу азербайджанской поэзии и надеялся, что личные контакты с ним моих земляков-поэтов вполне послужат этим моим намерениям: какая литература не жаждет прозвучать на иностранном языке, тем более — на французском (всем был памятен мировой триумф Чингиза Айтматова, начавшийся с легкой руки француза Луи Арагона, переведшего повесть «Джамилля»: с «национала»-киргиза, писателя русского по языку и нерусского

Гусейнов Чингиз Гасан оглы (род. 20 апреля 1929 г. в Баку) — азербайджанский и российский писатель, литературовед, культуролог, переводчик, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель искусств Азербайджана. Пишет на азербайджанском и русском языках.

этнически, и начался, как представляется, интерес в мире к национальным литературам СССР).

В течение какого-то времени «национальная литература» воспринималась с некоторой долей снисхождения — как вроде бы литература второго ряда. Яркие русскоязычные «националы» разбили эти расхожие представления. Более того: русские нерусские писатели оказали существенное влияние на «чисто» национальных писателей, внесли в их ряды состоятельность, активизировали художественный потенциал этих литератур, заложили традиции критического отношения к «национальной» реальности.

У меня в архиве хранится образчик «художественного» перевода известного русского поэта, фамилию называть не буду, стихов азербайджанского поэта Расула Рзы с подстрочника: «перевод» свелся к тому, что переводчик слегка отредактировал мой подстрочник, причем не удосужился даже напечатать перевод на отдельном листке — записал поверх подстрочника: потрудитесь, мол, чтобы получить мой перевод — расшифруйте и напечатайте.

А с Бахтияром Вагаб-заде, другим азербайджанским поэтом, случился «подстрочный» казус: вдруг звонит и умоляет срочно сделать подстрочник стихотворения, которого у него еще нет, но он непременно напишет, «я дам идею, додумай-присочини, строфику мою знаешь: "Правда" просит стихи на сельскую тему, переводчик ждет» (публикация в центральной газете в те годы приравнивалась к получению высокого ордена), и я, следуя привычной практике тех лет, сочинил что-то про поля бескрайние, юную трактористку, горизонт цвета персика и облачко, стремящееся защитить тенью девушку-труженицу от знойного солнца, ведь впереди столько еще работы!.. С «подстрочника» был осуществлен «художественный» перевод, к переводчику явился курьер из «Правды» и забрал «стихи».

Не в обиду кому будь сказано, но были и, очевидно, есть национальные поэты среднего уровня, которые, неплохо зная русский, с выдумкой составляли подстрочники своих не существовавших в оригинале стихов; отработаны были пути выхода на больших поэтов, знаменитости обогащали находками подстрочник, придавая ему соответствующую форму, а потом, следуя уже существующему переводу, национальный поэт подгонял под него оригинал.

Такое наблюдалось и в прозе, но там сюжет или психологическое состояние героев устно обговаривались с автором, переводчик дорабатывал в меру своего таланта, расширял, уточнял оригинал, и перевод в этом случае объявлялся, обретая новый статус, «авторизованным», а потом эти изменения автор вносил в оригинал. Так что работала четкая система: большая, так сказать, фабрика чеканила переводы национальных литератур на русский язык.

Но как бы то ни было, а сегодня следует констатировать, что утрачивается традиция русской литературы открывать новые инациональные горизонты, подобная переводческая практика, не питаемая, кстати, общегосударственной национальной политикой, стала угасать... Конечно же, в приобщении больших русских поэтов к национальной поэзии была и житейская, так сказать, подоплека: собственным творчеством не прожить, если к тому же стихи — на темы «вечные», идеологически не ангажированные, а переводы «националов» официально поощрялись, неплохие шли гонорары. В 1968-м возник, между прочим, шум с оргвыводами, кое-кто погорел-полетел в серии «Библиотека поэта», и все — из-за опубликованной здесь статьи Ефима Эткинда, где сказано было, что Ахматова, Заболоцкий и другие поэты не имели возможности печатать свои стихи и потому были вынуждены отдавать все силы переводам. Во-первых,

через эти переводы, если поэзия была созвучна их мироощущению, легализовались собственные чувства, спрятанные зачастую в «сундучных» стихах; во-вторых, перевод как высококлассная профессиональная работа был необходим поэту для поиска слов, образов, художественной стилистики; и наконец, в-третьих, наличествовало и отвергнутое ныне слово «бескорыстие»: помочь талантливому собрату по перу (зачастую переводящий и переводимый становились друзьями) быть услышанным всеми, то есть прозвучать на русском, который был для националов и остается, думаю, на меняющемся евразийском пространстве некой калиткой, если не сказать дверью, в большой читательский мир.

Отмечу в этом ряду титанический труд Семена Липкина по переводу эпосов калмыков, киргизов, кабардинцев, татар, бурятов, якутов; Арсения Тарковского, Бориса Пастернака, по переводческой практике которых защищены десятки диссертаций; Аделины Адалис... — ее причисляли к поздней «восточной ветви» Серебряного века, в ее поэзии дышит Восток — Афганистан, Индия и Персия, в ней — экзотика Кавказа и Средней Азии.

Впрочем, из подобных умозаключений вовсе не следует делать вывод о том, как пытаются представить сегодня некоторые ретивые ниспровергатели всего и вся советского, что знаменитых национальных классиков сотворили русские писатели, — мол, никакого Джамбула или, к примеру, Сулеймана Стальского, названного М. Горьким «Гомером XX века», не было, это-де пропагандистские мифы, дабы подтвердить «благотворность ленинской национальной политики» в возрождении национальных литератур. С отголосками подобных живучих суждений пришлось столкнуться лично мне, когда на семинаре-зачете в МГУ один из студентов под аплодисменты заявил, что советская власть «заставляла» националов творить «не нужную никому, им самим тоже», литературу, а переводчиков русских — «работать» на систему, сочиняя за националов, и в пример привел строки Джамбула о «сталинской конституции»: *Закон, по которому все мы равны В созвездии братских республик страны*. В число якобы сочиняющих за националов попала и Адалис — мол, срочно понадобился литературным властям поэт из Средней Азии для выдвижения на Сталинскую премию, и выбор пал на Мирзо Турсун-заде, который перевел на таджикский, выдав за свои, сочиненные Адалис восточные баллады. Между тем, подлинная история была извращена: Адалис настаивала, чтобы Фадеев представил и ее на премию — речь шла о поднятии статуса переводчика до уровня автора, высокое качество ее «вольного перевода» было сродни оригиналу, ибо в процессе перевода творилось, что естественно, оригинальное произведение.

Не могу тут же не отметить, что в результате тотальной политизированности и стремления к единообразию общественной жизни возникали калькированные национальные языки, на которых люди не говорили. В этом смысле русский язык, способствуя обогащению национальных культур, вместе с тем сыграл злую шутку с национальными языками: абсолютное следование канонам русского в условиях жесткой цензуры, механически-точные, не допускавшие никаких вольностей переводы с русского на языки народов СССР идеологизированных материалов, в частности, собраний сочинений классиков марксизма-ленинизма, порой не учитывали особенностей национальных языков и деформировали их природу, лексику и синтаксис.

Этот процесс оказался необратимым. Впрочем, есть справедливое абазинское суждение: «Русский язык — всадник, национальный — пеший. Пеший может не отставать в пределах аула, дальше — всадника не догнать!.. Но если

пеший ухватится за стремя коня... это не означает плестись в хвосте». И ухватились, а в ряде случаев встали вровень. Подобное мог сказать не только абазинец, но и многие представители народов-этносов на Кавказе, имеющих письменную литературу, и «бесписьменных». Но при этом наблюдалось — более по причинам объективным, нежели субъективным — ущемление национальных языков, сужение их функций, сфер применения, что породило явную угрозу исчезновения некоторых, причем даже *больших* языков, таких как белорусский и не только.

Прикрытием порой служил тезис, утверждавшийся и в отношении ряда национальных культур, к примеру, казахской или киргизской, что эти литературы *становятся-де двуязычными*³.

А убиение живого языка влияло на психофизический склад народов.

2

Но продолжу то, с чего начал: утверждалось, будто даже великолепный поэт Расул Гамзатов «сделан» русскими переводчиками. В те годы я решил однажды в порядке эксперимента сравнить подстрочники и переводы Гамзатова, попросил студента-аварца, который учился у меня в Литературном институте, сделать подстрочник, но он вдруг — испугавшись блуждавших слухов — решил не ввязываться в эту затею. Я обратился к переводчикам Якову Козловскому и Науму Гребневу, моим приятелям, мол, так-то и так, хочу в целях научных сопоставить перевод с подстрочником. Отказали: дескать, не хранят подстрочников. Но нашелся другой студент-аварец, к нему я подступался долго, чтоб не спугнуть, и вот — в моих руках подстрочники, а параллельно к ним переводы Я. Козловского и Н. Гребнева. Долгие годы, пока профессорствовал в МГУ, демонстрировал я их на лекциях как пример того, что, если перед нами большой поэт, а Расул Гамзатов из таковых, то образную его систему в полной мере не передать, задача — хотя бы приблизиться к нему, хоть частично выразить.

Вот подстрочник Р. Г.:

Разве после смерти Махмуда (поэт-лирик) не влюблялись горцы? / Нет же песен, заставляющих гореть сердца. / Разве после Шамиля не было войн? / Нет же военных вестей настоящих.

Влюблялись горцы, зачем говорить напрасно? / Муи (возлюбленная Махмуда) не надо похищать — она сама идет. / И войны были, зачем говорить напрасно? / Но кинжалы уже просят мира.

А вот перевод Я.К.:

Махмуда песни будут жить, покуда / Неравнодушен к женищинам Кавказ. / Но разве после гибели Махмуда / Любовных песен не было у нас?

Нет, песни есть пленительного лада, / Еще какие песни о любви! / Но только горцу похищать не надо / Печальную красавицу Муи.

Многие яркие образы оригинала, увы, исчезли в переводе, который в целом воспринимается как поэзия, но стихи профессионально подогнаны как бы под среднерусское поэтическое видение горцев-кавказцев. То же и с тем же конечным результатом я проделал с оригиналом и переводом стихов Кайсына Кулиева, тут мне подстрочник был не нужен: язык балкарский мне знаком, он сохранил общетюркские праязыковые корни.

Подстрочник: *Был я мягче, чем начинающая зеленеть ветла, / Я в вытянутой руке нес открытым сердце мое, / Полное следами пуль, нанесенных годами. / Скалой под ветром выстоял. Многие дни ветры без устали дули / Над головой моей*

град и метель прошли. / Быть не только мягкой ветлой, / А и скалой жизнь меня научила. Перевод Н. Гребнева: *«На ветру меня ломало, / Был я слабою ветлой. / Но стоял и я, бывало, / Твердокаменной скалой. / Гнул я, как все стволы. / А бывало: грянет выстрел / Или гром — и только искры / Отлетают от скалы».* Исчезли конкретика судьбы, некоторые образы: *мягкость начинающей зеленеть ветлы*; не просто *грянувший выстрел*, а нес доверчиво сердце, следы пуль на нем... Судьба неприветлива была к Кайсыну: вояку забрали с фронта и выслали с депортированным народом в Киргизию.

Именно в ответ на вышеупомянутые «слухи» Р. Гамзатов обратился к прозе, создал свой замечательный «Мой Дагестан»: тут уж за него не сочинишь.

Жизнь в стране в те давние годы кипела, затевались переводческие совещания (на которых, кстати, выступали против практики переводов с подстрочника, хотя при этом объявлялись конкурсы на лучшие переводы националов на русский язык с подстрочников, в частности, как помнится, стихов литовки Саломеи Нерис), выходил чуть ли не каждый год фундаментальный сборник «Мастерство перевода».

При переводе с подстрочников случались переводческие курьезы, в этой связи чаще всего упоминается Самед Вургун, у которого есть строки, критикующие *коробейников — «черчилер»*, которые *прячут голову меж ног и чья жизнь трясется, точно яйцо*. При переводе появился... Черчилль: *Позор! Тем, кто голову прячет, как страус! Черчиллям старых порядков!* А коль скоро появился Черчилль, то поэт П. Железнов вынужден добавить: *В их душах бессильная злоба и хаос, Их жизнь жидка, как яйцо всмятку!*.

Были попытки на конференциях по переводу теоретически обосновать наличие подстрочника — раз уж это реальность. Внес в это лепту и Леон Робел, сформулировав некоторые мысли не столько по теории художественного перевода, сколько об условиях, необходимых для практики перевода с подстрочника, тем более что и такой опыт был не чужд ему: готовил к изданию «Антологию чувашской поэзии» на французском по подстрочникам, выполненным Геннадием Айги, надо думать, добротнo. Первое из условий — знать историю народа; второе — иметь представление, как развивалась национальная письменность; третье — знакомство с некоторыми чертами стихосложения, языка; четвертое — прослушать звучание, мелодию оригинала, даже видеть печатный его облик; пятое — не ограничиваясь русским подстрочником, заглядывать чаще в словарь. И все это для того, чтоб чуточку приблизиться к постижению загадок национальной души, культуры, поэзии. Но и этого мало: «По-настоящему разобраться в некоторых вопросах поэтики можно только на основе очень разнообразных языковых и поэтических материалов», а чувашский текст характеризуется (это относится и к другим тюркоязычным литературам, а их в России тридцать одна, из них в Кавказском регионе РФ — кумыкская, балкарская, ногайская, карачаевская) большой вариативностью при жесткой каноничности (семисложник; а у азербайджанцев еще и одиннадцатисложник); необходимо учитывать роль аллитерации («доминанта или подчиненный элемент?» — встает вопрос; думается, и то и другое плюс соизмеримость между поэтами в виртуозности как форма бытования поэзии в жизни народа); обилие «языковых жестов» (термин Е. Д. Поливанова); гармонию гласных (в тюркских языках — «aheng gapını», «закон гармонии», или неологизм турок «uygun sesler» — «согласованные звуки»).

«Богатый материал для теоретических размышлений дает также переход от силлабики к силлаботонике, при очень ясных и обозримых обстоятельствах:

общая закономерность?» Это именно «закономерность» и относится она ко всем тюркским языкам; «роль исключительной личности (Сеспель)?» — и в азербайджанском немало на сей счет экспериментов (того же поколения классиков: Мюшфик, Расул Рза; у балкарцев — Кайсын Кулиев); «давление извне? двуязычие? культурная необходимость?» — и размышление: «Тут есть над чем подумать. Не менее сложны вопросы ритмического перевода: как заставить французскую силлабику звучать "экзотически"»? И наконец точно замеченная «эстетика естества», включающая характерные для подлинного искусства, в том числе для чувашской классики и фольклора, свежесть видения и энергию воображения, символику, которая складывалась веками и при использовании которой можно «запросто переходить из мира живого в мир мертвых, из мира человеческого в мир животный и даже растительный, восходить на небо и проникать в земные недра...» Эти мысли могут послужить отправной точкой для исследований по поэтическому языкознанию, теории и практике перевода. Они не только «научные», но и этические — Леон пишет, что «переводчиком достоин называться только предельно честный человек, который хочет объективно и честно оценить другой народ, его культуру, его тексты и передать их как можно полнее, учитывая, что это необходимо и для собственного языка, для расширения его возможностей. Ни одна литература не развивалась без переводов, многие поэтические формы возникли только через перевод. Именно сегодня предельно честный творческий труд переводчика просто необходим»⁴.

3

Часто цитировали в 1970—80-е годы в аспекте «двуязычного творчества» мою фразу из предпосланного роману «Магомед, Мамед, Мамиш» жанрового определения: «...со сновидениями и их разгадкой, наивными символами... [и т. д.] в собственном переводе автора с родного азербайджанского на родной русский». Это было первое мое большое сочинение на азербайджанском, до того выпустил в Баку ряд наивных книг рассказов и повестей о современном Азербайджане, а тут — с замахом на весь Союз показать, хотя вовсе не думал об этом, деградацию общества. Многое из того, что расскажу, продолжается, порой даже в более нелепых вариациях, и сегодня.

Явился я с азербайджанской рукописью романа к редактору толстого журнала «Азербайджан» Джалалу Мамедову, он, мой приятель, известный переводчик и публицист, по прочтении деланно удивился: «Как же так? Человек говорит не то, что думает?!» Понял сразу мой посыл. «А мы с тобой не такие, Джалал? — я ему в ответ. — Наше ведь, мое тоже, свойство, оно, между прочим, всегда потрясало иностранцев» — «Вот именно! Если даже приму — цензура зарубит! Забирай, никому не показывай!»

От растерянности-обиды я решил: раз нельзя сказать на своем родном, скажу на русском, тоже мне родном, переведу сам — как вызов себе бросил.

Перевел, принес в «Дружбу народов», прочли, одобрили, правда, на уровне отдела, а главред, Сергей Баруздин, мне вдруг: «Печатать такое?!» И довод: «Что скажет Гельдар (так он произносил имя) Алиевич?!» — «Но он сам с этими явлениями борется», — говорю ему.

Цензура долго колебалась, запуталась в хитросплетениях сюжета: «Какие-то убийства, не разберешь...» — «Но это не у нас, а там, у них...». И, как в нашей сказке, — удается *вырвать яблоко из пасти дракона*, получить разрешающий к печати штамп.

Из поздних моих разумений: цензура иногда пропускала острые вещи «нерусских русских» — ведь все эти «безобразия творятся не у нас, а у них»... Но речь в данном случае о другом — пытаюсь раскрыть существо формулы «в собственном переводе», тем более что вскоре пришлось испытать это на себе с перестановкой частей, когда второй свой исторический роман «Фатальный Фатали» написал первоначально на русском языке (опасаясь, что из-за остроты материала на азербайджанском не издадут), а потом воспроизвел *с родного русского на родной азербайджанский*, тем самым породив разные определения: «азербайджанский» писатель, обтекаемое «двухязычный», очень длинное «азербайджанский писатель, пишущий по-русски», и даже «русский».

Осмысливая существенные различия собственного опыта самоперевода, замечу, что в первом случае хотелось через национальную стилистику, изначально заданную в оригинале, подчеркнуть *переводной* характер произведения, не желая представлять его сочинением *русского* писателя, хотя сразу пришло понимание, что критический взгляд на *родные* реалии дается легче именно по-русски, тут богатые традиции.

А во втором... Анализируя различия между оригиналами «Фатального...», русскоязычным, а затем воссозданным на азербайджанском как новый оригинал, я понял, что ни о какой адекватности речи быть не могло, ибо, перефразирую Василия Жуковского, я не был рабом оригинала, в обоих случаях текст *мой*, и если буду слепо следовать русскому оригиналу, то в условиях смены, или конкретизации читателя мое произведение будет восприниматься как «перевод» с русского, а не оригинал, чего я, азербайджанский писатель, естественно, допустить не мог. Тут диктат как читательский (его ожидания), так и языковой — наличие качественных различий между языками, традициями, историей, аурой слов и понятий, хотя, постоянно корректируя текст, вторгаясь в него, я в общих чертах придерживался сюжетных линий «Фатального...» — не сочинять же новое произведение! (Между прочим, понял: начни я сочинять первоначально на азербайджанском, может, был бы другой роман!)

Первая нестыковка — исторического порядка. Победа русского оружия над Персией в 1828 г., дипломатические переговоры царского посла Грибоедова с принцем Аббас-Мирзой о контрибуции, об условиях раздела земель — к России отойдут азербайджанские (и не только!) территории, границей станет река Аракс. Переводчиком на этих переговорах выступал Бакиханов, крупный азербайджанский просветитель, писатель и мыслитель. Русскому читателю важно было показать фигуры Грибоедова и персидского принца, ограничиться ими, переводчик — фигура проходная; у азербайджанского читателя происходящее пропускается именно через него, видится его глазами, тем самым сюжетная значимость фигуры Бакиханова становится глубже. Текст невольно разрастается, ибо, в сущности, рождается новый персонаж с его думами и переживаниями, ведь он невольно участвует в разделе земель сородичей, при котором меньшая часть отходит к России, а большая остается за Ираном.

Есть в романе эпизод, связанный с образом Бестужева-Марлинского: он переводит с *фатальным* Фатали его «элегическую поэму» на смерть Пушкина, предчувствуя при этом скорую свою гибель, она случится при штурме мыса Адлер. Поэма создана на фарси, требуется ее осмысление также на родном и русском, к тому же опальный декабрист пытается при переводе заострить некоторые моменты поэмы, возникают новые сюжетные ходы, текст опять-таки разрастается.

А вот наиважнейшая нестыковка: не сразу уловил, хотя постоянно чувствовал психологический дискомфорт при описании царя. На азербайджанском «русский царь» имеет одно-единственное обозначение — «чар», и как только я пытался выразить, следуя за русскоязычным оригиналом и, кстати, опираясь на развитые традиции русской литературы, иронически-саркастическое отношение к фигуре «чара», текст начинал оказывать сильнейшее сопротивление, которое исчезало, когда я избирал окольные пути, заменяя *чар* размытым, абстрактным *государь, властелин*. Но я упорно желал употреблять именно «царь» — «чар», и в этом случае приходилось буквально воевать с языком, точно с живым существом. «В чем же дело?» — думал я, но лишь к концу работы вдруг возник ответ, он поразил, показал особенности азербайджанской ментальности как нации: национальному языку — с тех пор, как край был в результате колониальной экспансии вовлечен в общероссийскую орбиту, — запрещалось высказываться по адресу царя иначе как в выражениях возвеличивающих, хвалебных, тогда как именно традиция оппозиции деспотизму в лице русского царя, думается, придала русской литературе мировое звучание. Не могу не сказать и о том, о чем часто забывается: величие русской литературы состоялось не *благодаря*, а *вопреки* устремлениям господствующей верхушки.

Речевая стихия азербайджанского языка не терпела, отторгала критику конкретного «чар», а тем более восставала против сарказма, а потому приходилось в процессе сочинения *помогать* языку изживать страх, приучать его к правде, дерзости и при этом тратить значительно больше, нежели в русском оригинале, словесно-творческой энергии.

Сомнений нет: пребывание в России влияет на язык создаваемых текстов, и никто-ничто не запретило бы мне сочинять как на русском, так и на азербайджанском в Баку то же, но те же ли самые языки это были?

Признаюсь, тоска по родному языку, даже в условиях, когда ныне его услышишь везде и кругом, не отпускает меня ни на минуту, она тотальна.

Да, в прошлые времена было отгороженное от мира «железным занавесом» пространство большое, *всесоюзное*, а внутри — малое, *республиканское*, и оба замкнуты, но лично я, живя в большом пространстве, был творчески относительно свободным от малого, за пределами которого жил, был независим и недосыгаем для него, и мне тем самым удавалось выразить негативное отношение к *реальному* социализму в его национальном одеянии.

Ныне, когда рухнуло и *всесоюзное*, а внутри него и *республиканское*, и оба *суверенны*, форма и содержание *оппозиционных* сочинений обрели единство национального, критика уже напрямую обращается на саму нацию, то есть на нас самих, или — на самого себя.

И снова прибегну к примечательному суждению — Набокова о *свободе духа*: различия между языками его творчества, русским и английским, отражают разницу *в историческом плане между гениальным, но еще недостаточно образованным, а иногда довольно безвкусным юношей — и маститым гением, соединяющим в себе запасы пестрого знания с полной — вот корень! — свободой духа. Свобода духа! Все дыхание человечества в этом сочетании слов!*

Имея в виду, что русский язык на родине заточен в идеологическую тюрьму, *дух несвободен*, а на чужбине чахнет, лишен питательной почвы, Набоков с горечью замечает: «Меня мутит ныне от дребезжания моих ржавых русских струн. Увы, тот "дивный русский язык", который, сдавалось мне, все ждет меня где-то, цветет, как верная весна за наглухо запертыми воротами, от которых столько лет хранился у меня ключ, оказался несуществующим, и за

воротами нет ничего, кроме обугленных пней и осенней безнадежной дали, а ключ в руке скорее похож на отмычку».

Во Франции на встрече с читателями мне задали вопрос в связи с двумя разными оригиналами «Фатального...»: на русском — 27 авторских листов, на азербайджанском — 43. *Представьте*, — говорю, — *что у меня две жены, азербайджанка и русская, и обе родили сыновей, они — мои дети, но они — разные. Так и с романами: оба — мои, но и различаются между собой.* Ближе к концу пришла записка: *Разве в СССР возможно двоеженство?! — Так это*, ответил, *я для наглядности!* Во Франции умеют от души посмеяться.

И вдруг взволнованный звонок из Баку: запрет местной цензуры на издание на азербайджанском вышедшего в Москве романа. Срочно лечу в Баку и сразу — к главному цензору. Разыгрывается спектакль: *О, какой дорогой гость приехал!* Остановил его: *Лучше скажи, почему столько времени держишь у себя мой роман?!*

Недоумение у него на лице: *Как?! Роман еще у нас?!* Тотчас вызвал секретаршу: *Как не стыдно! Почему роман не возвращен в издательство?..* Секретарша, не смея возразить, переминается с ноги на ногу, молча выслушивает упреки шефа, а потом, когда я вышел, говорит мне: *Клянусь, это он сам держит!..* Короче, цирк!

Потом узнал подоплеку тревоги цензора. *Вот ты говоришь: роман прежде вышел в Москве — и никаких цензурных преград. Верю. Но там — столица, а у нас свои цензурные строгости. Ты пишешь: колонизация Кавказа... —* Прерываю его: *Нет у меня таких слов!* А он: *Да, нет, но дух романа!.. Торжество концепции добровольного вхождения!.. — Но ведь это неправда!* — снова перебиваю.

...Вскоре роман вышел.

4

Есть разные причины русскоязычия нерусского писателя, первая — очевидная: не владеет национальным в достаточной мере, чтобы сочинять; это, к примеру, Фазиль Искандер или Рустам Валеев, Олжас Сулейменов... — для последнего существует такое определение: «казахский поэт, пишущий порусски», и обычно добавляется, что «придет время, его стихи зазвучат и на казахском». Что это значит? Кто-то переведет? Даже шутка-эпиграмма была такая: *Читаем. Почитаем. Всем знаком. Лишь недоволен некий переводчик: Нет чтобы мне прислать подстрочник, Так сам владеет русским языком!*

Как не назвать русскоязычного лакца Эффенди Капиева, впервые сформулировавшего единство дагестанского литературного пространства, он известен афористичной прозой, притчами: *«Деревьё жалуются дубу на топор. "Вы сами ему рукоять — жаловаться некому!"»* Или, уже из нашего времени, осетина, ироничного русского поэта-концептуалиста Тимура Кибирова. Замечу, что в некоторых литературах, чеченской к примеру, русскоязычная литература формируется еще с конца XIX века: братья Шариповы (историко-географические, путевые, этнографические очерки и публицистика), братья-просветители Мутушевы.

А как неповторим в плеяде «русских нерусских» Тимур Зульфикаров: поэт, прозаик, композитор, сочиняющий романсы и мелодии к собственным стихам, раскованный — и рискованный — в художественном мышлении, творящий чудеса с русским словом, будто разглядывает его, удивляется ему, точно слышит и видит впервые, восторгается им, и такое ощущение, что даже прикасается к

слову как к чему-то вещественному, имеющему форму и вес, берет на пробу, как поступают с золотым слитком. Не знаю, что первично у Тимура: восточная по отцу-таджику душа его переплавляет русскую речь, а русская по матери душа впитывает премудрости Востока, и Тимур щедро одаривает мир своими образами. То же и с верой как глубинным состоянием природы: не то он мусульманский христианин, не то христианский мусульманин. Так пробивается и растет веточка из древа Авраама-праотца. Это что же — «востокизация» русской литературы? Своеобразные, условно говоря, переводы, точнее, переложения восточных тем на русский лад? Синтез, так сказать, стилевого евразийства? Архаика мира в оболочке мирового модерна?

Парадоксальна образность Тимура, приведу лишь описание молодой жены: «халвотелая нагая пышущая как золотая хлебная печь-танур распласталась раскидалась разметалась лебедиными лядвеями и перламутровыми спелыми ягодицами на белопенной кунградской кошме...» И каждый раз необычны не только стиль, но и сюжеты. Нескончаемы «Земные и небесные странствия поэта» — вечно живого Ходжи Насреддина, alter ego «Ходжи Зульф리카ра», по временам далеким и нынешним. Смерть Пушкина с переселением души в двугорбого верблюда, шедшего песками Африки: тот же профиль, бакенбарды, та же поступь. Герою Зульф리카рова с его предельной наблюдательностью удалось подглядеть, как были ввергнуты в грех Адам и Ева. Или повести о детских годах Иисуса Христа и Мухаммеда. Некогда Тимур в своем честолюбии заявил, что «произвел революцию в русской поэзии и прозе», подразумевая линию Пушкина и Хлебникова в поэзии и линию Набокова с Платоновым в прозе. В этом кто-то может усомниться, но вряд ли кто станет спорить о весомости художественного опыта Тимура Зульф리카рова в современной русской литературе.

Как это часто случается, смерть, или «смена мира», как говорят об усопшем азербайджанцы, во всем объеме обозначает масштаб, значимость и весомость личности. Так случилось с Мариам Ибрагимовой, автором многопланового романа о Шамиле. Кстати, не случайно совпадение, что великие мудрецы прошлого, сочиняя свои философские и художественные труды, были в то же время и врачами, то есть лечили и дух людей, и их плоть. Она и врач (причем с жилкой ученого-исследователя), и поэт, и борец с сильными мира сего, дабы отстоять в пору «развенчания» Шамиля историческую правду о движении. И это в условиях, когда такое не прощалось, жестоко каралось (чудо, что спаслась!). Романист, живописец, она нашла в себе мужество вести во имя науки и для пользы людей наблюдения над своей умирающей плотью. Дитя русской женщины и кавказца, она формировалась на стыке двух мощных потоков культур: русско-христианской и кавказско-мусульманской, сумев впитать, вобрать в себя премудрости Востока и Запада.

Прав был С. Залыгин, говоря о приходе писателей «в русскую литературу из другого языка»: «Сейчас в нашей русской литературе происходят очень любопытные и какие-то новые явления... Одно из них заключается в том, что у нас появились национальные писатели, которые по-своему обогащают русское слово, русскую литературу. Мы говорим, что русская литература обогащает национальную литературу. Но и национальные писатели, которые пишут на русском языке, тоже обогащают этот язык своим отношением к нему, своим взглядом на него, своим собственным слухом к нему. Когда такой писатель переходит от своего родного языка к русскому языку, он вдруг открывает в нем новые возможности, которые я не вижу... это (речь о «Белом пароходе» Ч. Айтматова, существующем, как и все последующие его романы, на русском)

благозвучный, чистый и красивый русский язык... Когда я читаю Рытхэу или Василя Быкова, я вижу, что это очень любопытный процесс, интересный и новый...»⁵

Тут и Айтматов, чье творчество на русском воспринималось тогда в Киргизии как *предательство* по отношению к народу, нации, *ибо не пишет на родном языке*.

Впоследствии, в пору распада советской многонациональной литературной общности, были попытки разделения литературного пространства русского языка как бы на три группы по этническому происхождению писателей:

первый, так сказать, сорт — русская литература, создаваемая *истинно*, или *чисторусскими*;

второй — русскоязычная литература, созданная этнически нерусскими;

есть якобы и *лжерусская* — вовсе не имеющая эстетической ценности, низкосортная, но красочно оформленная полиграфически *рыночная* макулатура.

Подобная *классификация* была замечена зарубежными славистами-русистами: «...Консервативные националисты вооружились набором директивных требований, которым должен отвечать любой писатель, желающий удостоиться — от них — титула "русского". Требования являются *этническими* (подчас даже жестко этническими!), *духовными*, *политическими* (заметим — вплоть до гражданства!) и *художественными*.»⁶

Мой случай русскоязычия был вынужденным: на азербайджанском не опубликовали роман-повесть, перевел на русский, а потом, понимая, что острые вещи иначе не увидят света, стал писать на русском в надежде, что когда-нибудь воссоздам на азербайджанском, что и случилось с историческим романом «Фатальный Фатали».

5

Долгий разговор был у меня с коллегой по МГУ Петром Алексеевичем Николаевым о писателях, работающих (это получило широкое распространение в стране в 1960—90-е годы) в пространстве русского языка, но не включаемых в русскую литературу по инерции советских лет, а это — не два-три, а десятки имен из всех регионов страны.

Речь, в частности, и о литературах малочисленных этносов Сибири и Крайнего Севера, Поволжья и Приуралья, о литературах народов бывших республик СССР.

Проблема национальной принадлежности «русского нерусского» писателя решалась однозначно, они по этническому признаку автоматически включались в национальные литературы: Ю. Рытхэу, чьи существующие исключительно на русском романы «Сон в начале тумана», «Иней на пороге», «Вэкэт и Агнес» отображали реалии северного народа, был отнесен к чукотской литературе; В. Санги с русскоязычными повестью «Ложный гон» и романом «Женитьба Кевонгов» был причислен к литературе нивхской; Ю. Шесталов (повесть «Синий ветер каслания», лиро-эпос «Югорская колыбель») — к мансийской; С. Курилов (романы «Ханидо и Халерха», «Новые люди») — к юкагирской; Г. Ходжер и П. Киле — к нанайской; поэт П. Хузангай — к чувашской, Ч. Айтматов и М. Байджиев — к киргизской; О. Сулейменов, А. Алимжанов, С. Санбаев — к казахской; В. Быков и А. Адамович — к белорусской; русскоязычный Т. Пулатов — к узбекской; романист Г. Гулиа, прозаик и поэт Ф. Искандер⁷ — к абхазской; прозаик Аскер Евтых — к адыгейской, драматург

Азат Абдуллин, чьи пьесы широко ставились на русской сцене, и Рамиль Хакимов, чей «Кавказский триптих» приобрел популярность в 1970-е годы⁸, — к башкирской; Александр Эбаноидзе, чей роман «Брак по-имеретински» был восторженно принят критикой⁹, — к грузинской... Список имен может быть продолжен.

«Да, — согласился Петр Николаев, — но не нанесем ли тем обиду националам, что у них забирают писателей, продолжается как бы имперский грабеж?»¹⁰

Думаю, не без влияния нашей беседы П. А. Николаев заметил во вступлении к «Словарю русских писателей XX века»: «Читатели могут указать на отсутствие статей о таких замечательных писателях как Г. Айги, В. Быков, Ч. Айтматов и другие [во время беседы назывались и Ю. Рытхэу, и Т. Зулфикаров, и Афанасий Мамедов. — Ч.Г.]. Многие их тексты создавались на русском языке, их вклад в русскую литературу и вообще в русскую культуру весьма значителен. Но главный источник их творчества — в их национальной духовной стихии: чувашской, белорусской, киргизской и т.д.».

Но разве не создается большая русская литература и нерусскими русскими, воспитанными на ее традициях и вынесенными волнами эмиграций во все части света от США и Канады до Израиля и Германии (примеры — «старый» Набоков, «новый» Бродский)? В Австралии есть даже два союза русских писателей, один — имени Солоухина; а обилие русскоязычных в нынешних странах СНГ, что подвигло Сергея Чупринина к созданию энциклопедии «русских нерусских» писателей! Оттого, что литература эта по большей части создается этнически не русскими, она не перестает быть русской, но требует нового осмысления. Как не вспомнить слова Пушкина о том, что мы ленивы и нелюбопытны? Во-вторых, не забудем, что демонстрировавшийся в советские годы русскоязычными националами уровень критического отношения к тоталитаризму в ее национальных обличьях был даже выше, чем это позволялось собственно русской литературе — речь, разумеется, о ее бытовании легальном, а не «тамиздатском», где она — достаточно вспомнить Шаламова и Солженицына (не говорю уже о «русском зарубежье») — была эстетически непревзойденна в отрицании, в частности, деспотии.

Парадоксально, но отношение к русскоязычным писателям было и остается до сей поры размытым, обретается вне художественной самооценности творчества, что с новой остротой дало о себе знать в этноконфликтные 1990-е годы, после утраты общего пространства некогда единой советской *многонациональной* литературы.

К этому следует добавить усиление миграционных процессов на территории бывшего СССР, эмиграции в США, Германию, Израиль зачастую именно русскоязычной художественной интеллигенции этнически не русского или смешанного происхождения¹¹. И возникает более чем странная ситуация, когда сугубо эстетическая проблема нередко переносится в область политико-идеологическую, художественный менталитет уступает место менталитету этническому¹². Дает о себе знать диктат политики. Диктат привычного.

Отступление: о собственном опыте нестыковок в процессе самоперевода с русского на азербайджанский. Суждения с опорой на практику, по большей части отрывочные, к тому же навеяны они недостижимыми для меня размышлениями Владимира Набокова о *взаимной переводимости двух изумительных языков*, его родных английского и русского (выписал когда-то для себя из постскриптума к русскому изданию «Лолиты»): «*Телодвижения, ужимки, ланд-*

шафты, томление деревьев, запахи, дожди, тающие и переливчатые оттенки природы, все нежно-человеческое (как ни странно!), а также все мужицкое, грубое, сочно-похабное выходит по-русски не хуже, если не лучше, чем по-английски; но столь свойственные английскому тонкие недоговоренности, поэзия мысли, мгновенная переключка между отвлеченнейшими понятиями, роение односложных эпитетов, все это, а также все относящееся к технике, модам, спорту, естественным наукам, противоестественным страстям — становится по-русски топорным, многословным и часто отвратительным в смысле стиля и ритма...»

6

Я во Франции, год 1984-й, ведать не ведаем, что скоро грянет перестройка, а что случится потом — и во сне не приснится. И Леон вдруг спрашивает, знаю ли я чувашского поэта Айги? И, удивленный моим незнанием, говорит: «Это же один из больших поэтов нашего времени, издан на многих языках!»

Я смущен: имя мне, специалисту в области национальных литератур, незнакомо! Додумываю укор в глазах Леона, но у нас не вышло ни строки, все книги — за рубежом: в Мюнхене (1975), а в предисловии к его русской книге «Отмеченная зима», выпущенной во Франции (1982, знаменитое издательство «Синтаксис»), академик Пьер Эмманюэль называет Айги «крупнейшим поэтом XX века». Леон упреждает меня, уловив мои сомнения: «Нет в них ничего антисоветского, я не стал бы такое переводить, издан, к тому же и в странах соцлагеря, раньше, чем в капстранах: в 1967-м, например — в Чехословакии».

По возвращении в Москву звоню поэту, приглашаю в гости, передает толстенную папку со стихами. Читаю с удовольствием, восторгаясь новизной, записано у меня в тот же день: «*Магический смысл букв. Культ слова. Иррационализм. "Шаманство"*». Не похоже ни на что, читанное ранее. Но, придирчивый, ищу подтексты, хочу понять, почему у нас не печатают? Да, строки сложны, нужны интеллектуальные усилия, чтобы добраться до сути. Но нельзя не отметить (обдумываю тезисы внутренней рецензии для начальства в издательстве «Советский писатель»), что никаких «анти» в стихах нет, автор не прячет, так сказать, кукиша в кармане. С рецензией на рукопись прихожу в издательство (моя инициатива, к счастью, с ходу не отвергается), чтобы убедить, что непонятность стихов обманчива, что никакой крамолы. Мой козырный тезис — о «влюбленности национального поэта в русское слово, точно впервые открыл чудо для себя, любуется им, даже одна русская буква "а", помещенная в середине листа, обретает характер стихотворения». «Побойтесь бога, ну какие это стихи?» Привожу доводы: признан миром! «Вот именно!» Ну да, поощряемое там направлено против нас: издевка над русским словом, здравым смыслом. Одной моей рецензии, конечно, мало, говорю, предлагаю послать «авторитету» в поэзии Евтушенко, с кем Айги учился. К чести Евтушенко, он дал хороший отзыв (он станет вступительной статьей к сборнику Айги «Здесь», 1991 г.), написал, что был в студенческие годы потрясен его подстрочниками, в них была сила, близкая к раннему Маяковскому: «*Я как звонкая монета, затерявшаяся в кармане времени среди скомканных ассигнаций, и мне не с чем сталкиваться, чтобы звенеть*».

Казалось, вопрос с изданием решен, но... В силе режим, не позволяющий туманности, и не один год пройдет, прежде чем восторжествуют «перестроечные» принципы и сборник «Теперь всегда снега» выйдет в «Совписе» (1992).

Суждения мои о «радостной игре русскими словами» не беспочвенны, отражают глубинные процессы, реализуются в творчестве «русских нерусских» писателей, здесь я мог бы назвать кроме чуваша Айги грузина (или армянина?) Дмитрия Авалиани, редкостного мастера палиндрома, анаграммы, тавтограммы. Приведу его панторифмы:

«Вот воск — решение Икара. Вот воскрешение и Кара. Избыт и я Из бытия. Не божжи вы, Небом живы!» Автопалиндром: *«Авалиани — Вал, Лавина и Лава»*. Недаром находили близость его — не формальную, а по сути — Андрею Платонову, мастеру букво-слово-творчества. И меня хлебом не корми, дай буквенной игрой выразить экспрессию неприятия всего маразматического, фанатичного (что вызвало протест у редактора): *«Как тут не подивиться фортелям фортуны? Да, да, высочайшие вершины фарса! глубочайшие пропасти фарисейства, липкое месиво фразерства! эфемерные триумфы! фузейная пальба! как фатумных фанатиков опорить? фимиамы, как облачко, фуфф!»* («Фатальный...»)

Есть графический палиндром у Вознесенского: *«а луна канула»*.

Поэзия Айги, русского нерусского поэта, тем временем шествовала по миру: в 1994-м, 1-го декабря (за 12 дней до моего следующего приезда в Париж) состоялся его «Международный вечер» в Бобуре, культурном центре Парижа, где располагается Музей современного искусства. О вечере прочел в «Русской мысли»: его стихи, помимо русского и чувашского, звучали на французском, английском, датском, португальском, польском и китайском, «декламация на китайском вызвала особенный восторг публики». Кроме названных языков его поэзия существовала на немецком, венгерском, чешском, словацком, румынском, армянском, сербском, литовском. Выступали англичанин Питер Франс, датчанин Трель Андерсен, француз Леон Робель (ведущий вечера), бразилец Борис Шнейдерман, поляк Виктор Ворошильский, китаец Сон Линь. Отмечались «роскошная бедность» его языка, «мистическая сила» и «трагический колорит» поэзии; говорилось, что ныне он становится «одним из признанных патриархов авангардной поэтической культуры» в России, освобождаясь от эпитетов «неофициальный», «нонконформистский». Горечь Айги — поэты российские его не любят, «разве что иностранцы», но важны для него «внутреннее состояние», русская боль и русские переживания.

Кстати, Борис Пастернак после знакомства (1960) с подстрочниками посоветовал Айги писать по-русски. Известно, что сначала (1949) он писал по-чувашски, выпустил сборник «Именем отцов» (1958), и с его подстрочников делались художественные переводы, в частности, Беллой Ахмадулиной («Поезда», «Отдых», «Художник», стихи традиционные: «О, деревня моя, на отлете земли! Я б вернулся под сень твоих добрых дворов, Не отвергну бы я твоих скромных даров...»). Впервые вышли стихи в «ЛГ» 26.09.61 с напутствием Михаила Светлова — тогда практиковалось «В добрый путь!» известного поэта молодому (Айги к тому же переводил на чувашский русских поэтов — «Облако в штанах» Маяковского, «Василия Теркина» Твардовского). Его собственные «русские» стихи, предложенные как диплом в Литинституте, комиссия забраковала, усмотрев отступление от соцреализма, лишь через год получил он диплом, представив к защите переводы русской поэзии на чувашский.

К слову сказать, было два новаторских взрыва в чувашской поэзии: первый — *чувашский* (классик Сеспель), второй — *русский*, связанный с Айги, по поводу чего он поясняет: «Эксперименты по-чувашски — упрощенные ради доступности; предельные поиски были в сфере русского языка».

Созвучны моим думам образы Вячеслава Ар-Серги (он тоже из *русских нерусских*), в которых удмурт увидел такое незаурядное — и трагическое — явление, как Айги:

*В поле чувашском заснеженный / Цвел апельсин золотой.
Пах апельсин тот рябинами / Скрытый от глаз в зверобой.
Бился от боли каликовой, / Плакал он книжной слезой.
В поле чувашском заснеженный / Сох апельсин золотой.*

Если б Айги не был широко признан за пределами России, никто б не узнал, в каком необычном срезе открыл он для себя русское слово — на первых порах в виде подстрочника. От русскоязычного творчества родился новый, другой Айги, чьи стихи с «легкой руки» Иосифа Бродского получили потом несправедливое определение «гениального подстрочника, не имеющего оригинала». К Айги в этом смысле больше применимы (таковы, между прочим, автоопределения Пастернака) названия «художник» и «артист»: богатейшая пунктуация поэта сродни нотной записи. Надо различать поэтов языка и поэтов литературы, или иначе: есть масштаб влияния (Бродский), а есть масштаб единственности, непохожести (чуваш Айги, серб Вл. Бурич). Названные поэты-россияне покинули сей мир: общенье душ. Не о том ли стихи Айги?

«...А кончилось тем что оставшийся из них в одиночестве Сидел — посреди дороги (шарахались машины) в молитвенной позе — с воздетыми к небу руками А навстречу шло — стадо студентов (шарахались машины)».

В перестроечные 1990-е годы нас с женой Еленой захватил психоз (обесценился рубль, гонораров никаких, а на пенсию + профессорскую мою зарплату в двух вузах не прожить): загорелись мы идеей организовать, благо позволял дом в городке писателей Переделкино (на постройку перед развалом страны ушли все мои гонорары, иначе б сгорели в галопирующей инфляции), нечто вроде литературного семинара для зарубежных русистов — преподавателей, аспирантов, студентов. Сроком на неделю, два раза в год, осенне-зимний и весенне-летний. Рассчитан был семинар на пять-семь человек. Продумали также финансово-бытовую сторону затеи: проживание в Переделкино с питанием, «в случае необходимости берем на себя получение визы». Разработали программу — формы и виды занятий: курсы по русской литературе (теория, методика изучения, новые явления с акцентом на творчество «русских нерусских» писателей: Ф. Искандер, О. Сулейменов, Б. Окуджава, Т. Зульфикаров, М. и Р. Ибрагимбековы, Г. Айги, Т. Пулатов); практические занятия по русскому языку; проведение «круглых столов», дискуссий, встреч с писателями, литературоведами, критиками — их можно было особо не искать, еще не развалился Дом творчества, да и немало известных писателей арендуют дома Литфонда; литературные экскурсии — и не только по Переделкино.

Скажу, забегая вперед, что ничего из наших прожектов не получилось, виноваты мы, горе-бизнесмены, лишённые какой бы то ни было предпринимательской жилки, и судьба, зная про наш непрактицизм + впечатлительность + бестолковость и много еще чего, уберегла нас от неизбежных нервотрепок.

Да, время хаоса, эйфорический парад суверенитетов, цепная реакция краха всего и вся, кровопролития, этновойны. Нонсенс: независимость, или суверенитет России, но от чего-кого? «Малого» русского государства РФ от «большого» русского государства СССР — так, что ли?

Кавказ... Скопление наречий и вер: на пятачке площади мирно уживаются мечеть, церковь, в том числе протестантская, и синагога, сохранился и действует даже храм языческий — огнепоклонников. А в горах, за уступом скалы — аул с

единственно-неповторимым языком, ни на какой не похожим, а за хребтом, на той стороне холма — племя другое, с иной, тоже уникальной речью. О множественности на земле языков существует немало легенд. Наряду с библейской, что прежде был один язык, а разноязычие — наказание, ниспосланное людям за *вавилонскую дерзость*, дабы не могли договориться, возомнив, что способны возвыситься до Бога, на Кавказе есть и свое объяснение избыточной здесь скученности языков: раздарив, как Сеятель, языки расплотившимся после потопа народам, Он ощутил вдруг усталость (или куда спешил?) и, оказавшись над Кавказом, высыпал на него оставшиеся в путевой суме языки. Легенда в недавнем прошлом воспринималась как оригинальный образ, метафора, ныне она — *символомной* реальности. Может, дело не в усталости, спешке (куда Богу спешить?), а хотел, пушусь в наивные рассуждения, испытать кавказцев: *А ну, как себя поведете, человеки, коим дарована Мною жизнь и предоставлено право выбора пути в ситуации* (Он выразился по-ученому) *смешанного многоязычия?*

Время разорвало привычные узы, расколосось единое над всеми небо, не суждено узнать, оборвется ли дорога пропастью, уготованной *стихией*, или упрется в *рукотворный* тупик, чтоб начать сначала. Некогда, в доисторическое прошлое, вспахана была на Кавказе земля, которая держится на *медноногих огнедышащих быках*, и засеяна *зубами дракона*, — может, буйно произросли посевы, дав всходы гнева и злобы? Провалы памяти: утрачено, что есть *истина* и *благо*, а что — *ложь* и *зло*. И не осталось никого, кто бы следовал завету: *не облакайте истину ложью, чтобы скрыть истину, в то время как вы ее знаете, но упрямитесь!* Ощущение такое, что глухой слышит, но с умыслом притворяется, немой таит речь, чтоб застать врасплох, а слепой зрит, симулируя незрячесть. Неотвязна мысль о Ноевом ковчеге — пристал к вершине горы, выступившей из пучины Всемирного потопа, и спасся, дав новую жизнь сгинувшему человечеству. Но если ковчег поднять кормой вверх и устремить к небу, не получится ли (это из стихов *Helen*) Вавилонская башня?

7

За последние годы в мире неимоверно возрос интерес к национальным проблемам в СССР-России, к двуязычию-русскоязычию в художественном творчестве, обращаются с вопросами и ко мне (порой в самих вопросах содержатся ответы), выделю некоторые:

Почему нерусский писатель пишет по-русски сегодня:

- *чтобы расширить круг читателей?*

- *потому что русский язык — язык межнационального и международного общения?*

- *потому что русский более богатый с точки зрения лексики, стилистики или просто более престижный?*

Отвечаю. Первая причина: русский язык — более родной, нежели свой национальный. Вторая — сегодня, главным образом по инерции, продолжается естественный ассимиляционный процесс вытеснения национальных языков русским, общим для обширного пространства, процесс, начатый в имперские годы и интенсивно развивавшийся в советские десятилетия и только недавно прерванный в республиках, обретших независимость. Даже президенты некоторых нео-государств (Беларуси, Казахстана, Киргизии и других) свободнее изъясняются на русском, чем на языке, объявленном государственным, а, к

примеру, президент Азербайджана проходит ускоренный курс изучения, причем, успешного, азербайджанского языка.

Все другие факторы, перечисленные выше, тоже наличествуют, но они вторичны.

Почему нерусский писатель пишет на своем национальном языке сегодня:

- чтобы усилить развитие и престиж своего национального языка и литературы?

- чтобы оживить традиции и коренные национальные чувства своего народа?

- потому что не хочет ассимилироваться в русской культуре?

Отвечаю. На волне возрастающего чувства национального самосознания возникает приоритет родного языка, а также естественное стремление продолжить литературные национальные традиции общения со своим читателем. Очевидно, самовыражение легче и лучше реализуется на родном языке.

Сегодня азербайджанский язык действительно отвечает на все функциональные требования жизни в республике или все-таки больше распространен русский язык?

Да, азербайджанский язык отвечает содержательно и эстетически на все функциональные требования жизни. Но распространена по инерции и русскоязычная литература (тиражи мизерные в обоих случаях). Совсем недавно из десяти покупаемых книг семь были на русском, а ныне наблюдается стремительное завоевание азербайджанским языком культурного пространства (появились новые поэты и прозаики, великолепные публицисты), язык получил конституционно закрепленную возможность развития и саморазвития, в том числе во взаимодействии с богатым лексически и синтаксически турецким языком.

Как предпочитают сегодня писать авторы вашей страны: на русском, на титульном языке или, может быть, на английском, на иностранных языках? Замечаются ли изменения тенденций по сравнению с советским периодом?

Предпочтительность языка определена степенью его родственности пишущему, при этом тяготение к национальному, титульному, будет с годами возрастать (имею в виду не Россию, а отпочковавшиеся от СССР государства), но и к русскому тяга будет еще долго продолжаться, ибо русский — окно во всемирное пространство, а потому начавшее было угасать стремление быть переведенным на русский, чтобы дойти до многих других, возрождается с новой силой. В начале 1990-х в Азербайджане даже думали о закрытии Института русского языка, потому что не было желающих там учиться, а теперь в институт, названный Славянским университетом, — большой конкурс. Об иностранном, прежде всего английском, говорить пока рано.

Одно существенное отступление: проблема языка, на котором пишет писатель, сама по себе никогда не имела существенного значения, было бы стоящее художественное произведение. А если и имела, то только лишь в связи с принадлежностью к конкретной национальной литературе. Прежде идеология была заиклена на этно-национальной доминанте (которая легла, кстати, в основу и даже определила субъектную структуру государства, из-за чего СССР, убежден, распался: кстати, в России отражается и повторяется такая же этноструктура), и писатель непременно привязывался к определенной национальной литературе. Сегодня этнопривязка — редкость, но в регионах национальных — вопрос болезненно-актуальный (я выступал оппонентом на защите докторской диссертации: в ней наряду с башкироязычными авторами были и русскоязычные, но об этом стыдливо умалчивалось: все были отнесены к башкирской литературе).

Многие ли переводят сами свои произведения? Почему они предпочитают перевести сами, а не дают работы профессиональному переводчику? У вас переводческая школа была всегда очень развитой. Насколько еще популярен подстрочник?

Из писателей-автопереводчиков в советские годы были белорус Василь Быков (покойный), грузин Чабуа Амирэджиби (покойный), молдаванин Ион Друцэ (ныне здравствующий, слава богу, изредка видимся, чтобы обменяться парой-другой фраз; в очередной раз, если увижу, непременно спрошу). Переводческая школа переживает кризис, раньше это было, помимо всего прочего, и финансово-прибыльным занятием, и политически престижным делом. Подстрочник почти умер: прежде за него платили Союзы писателей республик, то есть расходы брало на себя государство, а теперь они, если и осуществляются, то за счет автора.

Что для вас автоперевод? Просто перевод, по возможности ближе к оригиналу, или пересоздание, т.е. автоперевод дает вам возможность второй раз написать текст, переделать его? В этом отношении А. Ким пишет, что автоперевод это своего рода импровизация над одной партитурой, а В. Козько утверждает, что это «продолжение работы с рукописью, продолжение писания, создания». Опыт самоперевода распространенный или исключительный? Переведенные работы — это другой оригинал, вариант первого текста?

В процессе автоперевода возникают такие понятия как диктат языка, его традиций, смыслового, эстетического, эмоционально-чувственного поля, и — диктат читателя, его этноопределенность, и потому как бы создается новое произведение. Тут прав и Ким (что это своего рода импровизация над одной партитурой, но сам он, по-моему, на корейский свои книги не переводил, рассуждает теоретически), но прав и Козько (что это продолжение работы с рукописью, иное ее качество).

Мой опыт: в результате автоперевода рождается новый оригинал, который существенно разнится с первым и сюжетно (новые линии, даже герои, диктуемые новым адресатом и культурно-этико-духовными традициями), и композиционно, и структурой фраз, и построением диалогов. Сочиняя на русском, невольно работаешь в русле художественных традиций именно русской литературы.

Сделаю небольшое отступление. Повесть русского-нерусского писателя Максуда Ибрагимбекова «И не было лучше брата», которая сделала автора в одночасье крупным современным явлением, впоследствии была переведена азербайджанским писателем на национальный язык, но вот что в итоге получилось: русскоязычный оригинал, воспринимавшийся как своеобразный перевод с национального, обретя национальную оболочку, стал сам восприниматься как *перевод*. Казалось бы, устранены противоречия между языковой фактурой и национальным содержанием (герои — азербайджанцы, жизненные коллизии — типично восточные), но *национальное*, ярко улавливаемое и ощущаемое на *инонациональном*, вдруг в оболочке собственного национального языка утратило национальную специфику.

То же имело место и в случае с повестью Чингиза Айтматова «Джамиля». Созданная на русском языке в русле развитых традиций русской и, в целом, общеевропейской литератур с их богатым опытом изображения процесса раскрытия личности, на которые главным образом изначально ориентировался писатель, повесть обозначила новаторское решение важнейшей для Востока *проблематики* женской судьбы. То есть произведение в русскоязычном одеянии

оказалось самодостаточным для отображения ломки патриархальных устоев киргизов, убедило в достоверности конфликта. Но адекватного воссоздания его на киргизском языке оказалось недостаточно: требовалось не скопировать русский оригинал, а перелопатить до основания психологические его глубины, взорвать изнутри многослойные пласты национальной действительности, провести с языком колоссальную работу под стать, к примеру, Достоевскому, что было бы возможно при условии, что национальный язык есть язык художественного творчества. Так что Чингиз Айтматов *русский* писатель мирового класса и крупнейший деятель киргизской культуры. Дабы, повторю, произведение с острой национальной проблематикой слома многовековых патриархальных устоев воспринялось органично национальным читателем на национальном языке, необходимо было создавать новый оригинал, то есть творить новую художественную реальность на языке этноса.

Мононациональная русская классическая литература XIX — начала XX веков (Гоголь, Лев Толстой, Достоевский, Чехов, Салтыков-Щедрин...) стала мировым явлением. И это произошло, что важно подчеркнуть, не благодаря, а вопреки господствующей системе и обществу, к которым она была настроена критически, утверждая ценность человеческой личности и обличая деспотию и рабство.

Накануне русских революций в Российской империи доминирующее положение занимала литература государствообразующего, титульного этноса — русская. Многие другие народы были лишены возможности в условиях официальной политики ассимиляции развивать литературу на своих национальных языках (за исключением принявших господствующее в стране православие якутов, удмуртов, алтайцев, хакасов...), по традиционной терминологии тех лет они числились «инородцами», точно пришлые, а зачастую не имели и самоназвания. Тюркоязычные народы в России (свыше 30-ти) назывались «татарами», различались лишь по месту обитания: «казанские», «астраханские», «крымские», «сибирские», «кавказские», «закавказские», «тобольские», «кайсацкие», «саянские», «кузнецкие» и т. д., хотя представляли разные этносы: собственно татары, башкиры, ногайцы, алтайцы, хакасы, балкарцы, кумыки, азербайджанцы, казахи, киргизы, тувинцы, шорцы и т. д.

Русские революции 1905 и 1917 годов разрушили имперскую государственность, при этом — вот парадокс социалистической революции — раскололи культуру русского народа, нанесли ей урон, но вместе с тем и раскрепостили нерусские народы России, создали условия для возрождения и ускоренного развития их культур. Нерусские народы получили возможность творить на национальных языках, многие, свыше сорока, обрели письменность. Началось интенсивное взаимодействие и взаимообогащение культур. В итоге создалась многонациональная литература на 90 языках. При идеологических издержках, диктате социалистических догм, засилье цензуры в литературах появились яркие творческие индивидуальности — В. Распутин, А. Вампилов, А. Вознесенский, Г. Матевосян, Ч. Амирэджиби, Р. Гамзатов, Ю. Марцинкявичюс, М. Карим и многие-многие другие.

Русская литература в последующем, XX, и начале XXI века, продолжала активно участвовать в мировом литературном процессе (Замятин, Булгаков, Мандельштам, Цветаева, Хлебников, Набоков, Ахматова, Платонов, Горький,

Маяковский, Солженицын, Бродский, Высоцкий), но уже функционировала как литература многонациональная.

На русском языке, всегда готовом к новаторству формы и содержания, творят на всех континентах земного шара (что пока не стало предметом научного анализа) не только *русские русские* (прилагательное + существительное), но и *русские нерусские*, которые вносят существенный эстетический вклад в русскую литературу, и это в который раз дает мне основание говорить о полиэтничном характере современной моноязычной русской литературы, ставшей поистине мировым явлением.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Могу отослать читателей к своим работам: «Проблема двуязычного художественного творчества в советской литературе». ИМЛИ АН СССР. В сб.: «Единство, рожденное в борьбе и труде». М., «Известия», 1972; «Формы общности советской многонациональной литературы». М., «Мысль», 1978; «Этот живой феномен. Многонациональная советская литература вчера и сегодня». Часть третья: «О двуязычном художественном творчестве в советской многонациональной литературе и кое-какие наблюдения из собственной практики». М., «СП», 1988; статья «Русскость нерусских». Журнал «Вопросы литературы», март-апрель, 2006.

² Леон Робель — автор множества публикаций по русской и советской литературе, французской поэзии, лингвистической поэтике, теории перевода: «Манифесты русских футуристов», «Советская литература: вопросы», «СССР и мы», «История снега» — об образе России во французской литературе, начиная от Анны Киевской и Рабле, до наших дней. Переводчик Горького, Солженицына, Тютчева, Маяковского, Твардовского, Крученых, Кирсанова, Вознесенского, Олжаса Сулейменова, Геннадия Айги, Владимира Бурича, трудов Ю. Лотмана. Замечу, что в годы, когда у нас «спасали» Маяковского от «еврейки» Лили Брик, сестры Эльзы Триоле, жены «французского коммуниста», именно Л.Р. задумал совместно с Институтом Мировой литературы АН СССР издать переписку сестер в оригинале и с параллельным переводом на французский. Реализовалось это через много лет и в другой форме: книги вышли врозь, причем французский перевод, осуществленный под руководством и с обширными комментариями Л.Р., был опубликован в Париже раньше, чем у нас оригинал, к тому же русское издание вышло с цензурными купюрами: убраны были бытовые якобы частности, а также высказывания, могущие обидеть тех или иных деятелей культуры, если живы они сами или их потомки.

³ В 1985 г. в Киргизии был издан сборник «Повести гор и степей», в который были включены, как заявлялось в предисловии, произведения писателей «двуязычной киргизской литературы».

⁴ Робель Леон. «Крыло и туча». Стихи / Перевод Геннадия Айги // Книга в газете «Молодой коммунист». Чебоксары, 1988. Вып. 6. С. 6-7; «Надо уточнить вопрос». Газета «Сегодня», 16 мая 1996.

⁵ Пятый съезд писателей СССР. Стенографический отчет. М.: 1972. С. 100. К этим мыслям С. Залыгин возвращался не раз.

«Когда писатель — киргиз, или грузин, или латыш — пишет на русском языке либо переводит на русский сам себя, он открывает в этом языке новые возможности, обогащает его своим тоже новым отношением к нему, своим взглядом на него, своим слухом к нему». Залыгин С. Литературные заботы. М., 1979, с. 363.

⁶ Кэтлин Парте. Что делает писателя «русским»? («Русификация» русской литературы после 1985 года) // Вопросы литературы. — 1996. — № 1. — С. 84. Случается, русскому поэту Иосифу Бродскому — «великому, необычайному и полномочному послу Ее Величества Русской Словесности» (Ю. Алешковский) — отказывают в принадлежности к русской литературе, и при этом якобы имеется в виду не его национальное происхождение, а *дух творчества*, хотя в основе неприятия лежит все же новомодный нынче *этнический* принцип: «И. Бродский не только не русский, но и не еврейский поэт. Он русскоязычный (и англоязычный) поэт-космополит». И еще: «Поэт, который не служит

русскому народу, а только "самовыражается", не может быть воспринят русским, как поэт русский... Великим — пожалуйста, а русским — нет!» *Ковалев К.* Солнце русской поэзии. Made in USA // Литературная Россия. — № 16. — 1996. — С. 12.

⁷ Впоследствии о Фазиле Искандере говорилось исключительно как о русском писателе.

⁸ Знаменем советского периода истории литературы являлось официально поощряемое стремление писателей, свидетельствующее об интернационализации всего уклада жизни в многонациональной стране, создавать оптимистические произведения об инациональной действительности. Начало этому было положено русскими писателями (очерки М. Горького «По Союзу Советов», роман А. Фадеева «Последний из удэге», грузинские циклы Н. Тихонова, туркменские стихи Вл. Луговского и т.д.); впоследствии размах приобрели книги, написанные «национальными» писателями о жизни других народов, — латыш Имант Зиедонис и украинец В. Коротич — о Таджикистане («Перпендикулярная ложка»), башкир Р. Хакимов — об Азербайджане, Армении и Грузии и т.д.

⁹ А. Эбаноидзе «как грузин, пишущий по-русски», отмечает, что «писать на неродном языке — это всегда примета биографического излома», и называет в этом контексте Владимира Набокова, Джозефа Конрада, россиянина Льва Тарасова, ставшего французским писателем Анри Труайя, грузинского поэта Григола Робакидзе, писавшего на немецком, и что «если проследить биографии писателей у нас в стране, можно обнаружить, что за их русскоязычием обычно стоит какая-то драма, которая лишает естественной возможности самовыражения на родном языке: Айтматов был детдомовцем...» и т.д. Мои наблюдения, однако, позволяют оспорить мысль А. Эбаноидзе. Впрочем, ему, многие годы пристально следящему в качестве главного редактора журнала «Дружба народов» за процессами в т.н. национальных республиках-странах в начале XXI века, виднее, что «нынешний и без того тонкий слой русскоязычных писателей постепенно будет истаявать еще больше». (См. «Слово писателя сегодня звучит шепотом», «Ноев ковчег», февраль, 2006). Но по моим наблюдениям, в Азербайджане и Узбекистане среди азербайджанцев и узбеков наблюдается небывалый подъем добротного русскоязычного творчества.

¹⁰ Может, невпопад, но помню, что в тот момент я почему-то сказал ему о приключившейся в те же дни нелепости: гроб с телом Бродского долго не могли в Италии предать земле — некрещеного не пускало к себе католическое кладбище.

¹¹ За рубежом обрели постоянное местожительство причисляемые к русской литературе многие писатели, назову лишь трех: Анатолия Алексина, Григория Кановича, чья писательская судьба примечательна: первые сочинения — на русском и даже литовском, далее постижение через русское слово национальной темы — о судьбе евреев (известная трилогия «Свечи на ветру»), автора крупной прозы Фридриха Горенштейна. Это подлинная русская литература.

¹² Если исходить из ментальности этнической, что на современном этапе наблюдается в попытках искусственно сузить границы литературного пространства русского языка и *отлучить* от русской литературы этнически нерусских, то к еврейским русскоязычным писателям будут отнесены Василий Аксенов, Исаак Бабель, Григорий Бакланов, Лев Кассиль, братья Стругацкие, Юрий Гынянов, Евгений Шварц, Илья Эренбург, Иосиф Бродский... — списки значительные, и они время от времени появляются в российской прессе *как пособия*, по остроумному определению критика, *для начинающих антисемитов*.